

Джейн Никвол

ОРАКУЛ

ТЕНЬ ПРОШЛОГО



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джейн Никвол

Оракул. Тень прошлого

«Автор»

2026

Никвол Д.

Оракул. Тень прошлого / Д. Никвол — «Автор», 2026

Могла ли я знать, что смерть моей семьи заставит меня стать убийцей? Борясь с врагом и с самой собой, я оказалась в мире золота и шелка, у трона принца Честера Кингсли. Я украла чужое имя, чужое лицо, чужую судьбу — и теперь плету интриги в стенах дворца, чтобы добраться до короля Стоунгарда. Я шла по лезвию ножа, забыв, что такое дышать свободно. Но когда тьма почти поглотила меня, на моем пути появился зеленоглазый мужчина. Он не спрашивал, кто я. Он просто заставил меня вспомнить, что мое сердце все еще умеет биться не только от ярости. И теперь я стою перед выбором: сжечь весь мир или позволить ему спасти ту, кого я давно похоронила.

© Никвол Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	53
Глава 14	56
Глава 15	59
Глава 16	62
Глава 17	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джейн Никвол

Оракул. Тень прошлого

Пролог

*Вальс теней зазвучал в тишине,
Прошлое дышит в затылок.
Я сгорела в ледяном огне,
Собирая себя из осколков и пыток.*

Я стояла посреди леса и не понимала, как здесь оказалась. Вокруг ни души, только плотный, белёсый туман, стелющийся между стволами. Он цеплялся за подол, за запястья, влажный и холодный, но мне отчего-то было жарко. Не снаружи, внутри. Будто сердце медленно горело, растекаясь жаром по рёбрам, подступая к горлу.

Я сделала шаг вперёд. Под ногой хрустнула ветка. Звук вышел глухим, ватным, туман пожирал всё. Даже моё дыхание.

А потом я увидела их.

Люди стояли между деревьями, неподвижные, как изваяния. Лица смазанные, чужие. Я всматривалась в каждого, пытаясь ухватить хоть одну знакомую черту, но ничего. Они просто были здесь. И они смотрели. Не на меня, сквозь. Туман колыхался у их ног, и от этого казалось, что они парят над землёй.

Я хотела заговорить, но губы не слушались. Хотела отступить, но тело не двигалось. А потом появился он.

Высокий. Очень высокий. Широкий разворот плеч, чёрные волосы, спадающие на лоб тяжёлыми прядями. Он стоял дальше всех, почти у самой кромки леса, но даже сквозь муть и дымку я видела его отчётливо. Слишком отчётливо. Так не бывает. Я не знала этого человека. Никогда не видела. Но внутри что-то оборвалось и забилося с новой силой, глухо, натужно. Жар в груди вспыхнул с такой яростью, что я чуть не задохнулась.

— Ты пришла, — сказал он. — Ты меня ждал? — услышала я свой голос. — Всегда.

Кто ты?

Вопрос родился в голове и тут же растаял. Я не могла отвести взгляд. Меня тянуло к нему не шагом, не телом, а чем-то глубже. Тем, что невозможно контролировать. Я попыталась двинуться вперёд, но ноги будто вросли в землю. Протянула руку, пальцы сжали пустоту. Расстояние между нами не сокращалось.

И тогда он поднял голову.

Я увидела его глаза. Вернее, то, что от них осталось. Мутные, белёсые, искалеченные. Но когда он смотрел на меня, я забывала, что они мёртвые. Они смотрели. Смотрели прямо на меня. И от этого взгляда у меня подкосились колени. Это было неправильно. Он не мог меня видеть. Но я знала, он видит. Лучше, чем кто-либо.

Сердце колотилось так, что, казалось, треснут рёбра. Жар поднялся к самому горлу, обжигая изнутри. Я хотела крикнуть. Спросить. Кто ты? Почему я здесь? Почему мне кажется, что я знаю тебя всю жизнь?

Но губы не разомкнулись. Только горячие слёзы, как тот жар внутри, покатались по щекам.

Воздух стал вязким. Туман сгустился, потемнел. Мужчина медленно покачал головой. На его лице отразилась такая боль, будто это его сейчас разрывали на части, а не меня. И

заговорил. Голос низкий, хриловатый, он не прозвучал громко, но я услышала его так ясно, будто он шептал мне в самое ухо.

— Ещё слишком рано. Вернись. Живи. Я найду тебя.

Я резко распахнула глаза.

Глава 1

Я проснулась от того, что задыхалась.

Потолок. Простыня прилипла к телу, как вторая кожа, воздух в комнате густой и обжигающий. Сердце всё ещё колотилось где-то у горла.

Щёки были мокрыми.

Это был сон. Всего лишь сон.

Но жар внутри так и не прошёл.

Кирпичные стены медленно излучали жар, превращая жилище в душную каменную жаровню.

Я могла бы встать. Открыть дверь. Впустить воздух.

Не встала. Назло себе. Это было единственное, что я сейчас контролировала.

Начинался ещё один бесконечный день. Пятнадцать часов в подземном мраке шахты.

Бхарат, город в котором я жила, был шрамом на теле Кангахара. Работу здесь найти можно, но выбора лично у меня не было. Пять лет назад, когда мы с сестрой и братом прибыли в этот пыльный город на краю света, все дороги вели к угольным разрезам. Джавад, надсмотрщик, взял меня из странной смеси жалости и похоти. Моя чужеземная внешность, слишком бледная кожа, светлые волосы, выделяла меня среди смуглых местных женщин. Хотя его взгляд чаще и жаднее скользил по моей сводной сестре Аннет. Той, что умерла на этой самой кровати. Её вещи по-прежнему аккуратно лежали на кривой полке шкафа, у меня не хватало духу прикоснуться к ним.

Я с дикой тоской взглянула на сложенную белую блузу и резко отвернулась.

Завтрак был скудным: несколько кусков хлеба, запитых горячей водой. Потом я облачилась в лохмотья, чтобы скрыть тело от солнца, способного за час спалить кожу дотла. На голову повязала старый синий хлопковый платок. Из-под ткани смотрели только глаза, карие, с янтарными крапинками.

Мне приходилось ходить укутанной, кожу растирать раствором хны, а волосы я сожгла себе щёлочью. За пять лет таких ритуалов из белого золота, которым восхищалась мама, они превратились в тёмную безжизненную солому.

Солнце, поднявшееся из-за скал, палило вовсю. Воздух колыхался маревым зноем. Ветер, горячий и шершавый, как наждак, нёс тучи песка. Он скрипел на зубах, лез под платок. Пот ручьями стекал по вискам. Я почти бежала к шахте, где в подземной прохладе можно было забыться на несколько часов. Маршрут пролегал через Медовую площадь. Раньше здесь стоял храм Хаяри. Теперь же груда оплавленных камней. Я помнила тот день: наши солдаты, ещё полные глупой отваги, строились перед уходом на границу. А через несколько часов по этим же плитам загрохотали сапоги Каменных Солдат. Они крушили всё с бездушной яростью. С того дня в городе затих детский смех, исчезли праздники.

Я миновала арку, свернула за угол. Вход в шахту зиял чёрным провалом. Внутри полумрак, запах сырой земли, пота и угля. Кирка тяжело легла в ладонь. Спуск по верёвочной лестнице. Последний прыжок на утоптаный пол. И вот я одна.

В этой давящей, поглощающей тишине я занесла кирку для первого удара. Удар. И снова удар. Искры и крошево угля.

Этот подземный мир стал моим личным адом. Но здесь я была невидима. Никто не станет искать меня в угольной пыли. Люди здесь не задерживались: одни сбегали, других уносила болезнь, третьих находили бездыханными. И только я, Ирма Соррети, держалась уже пятый год, обречённая ходить по этому бесконечному кругу мрака и отчаяния.

Близилась годовщина смерти Билла. Я нарвала охапку бархатцев и пошла на могилу.

Я похоронила свою семью под раскидистым кипарисом. В Кангахаре тела принято сжигать. Но если бы у меня не было этих могил, я бы, наверное, давно подохла.

Я присела на землю между двумя насыпями: слева Аннет, справа Билл. Положила цветы. — Я скучаю по вам, — прошептала я. — Ещё немного и сойду с ума.

Повернула голову к Аннет. Прикоснулась пальцами к сухой могильной пыли.

— Я скучаю по тебе так сильно, что не могу спать. Мне всё кажется, будто ты рядом. Я просыпаюсь ночью, сжимая твой платок Иногда, как дурочка, надеваю твои платья и рыдаю. Будь ты жива Ты бы сказала, что платья мне не идут. И что пора заплести косы.

Слёзы текли по щекам. Я вытирала их грубым рукавом.

Потом поднялась, отряхнула песок и зашагала к таверне, не оборачиваясь.

Таверна была неказистой деревянной коробкой под рыжей соломенной крышей. Я села на высокий табурет у стойки. Шинкарь плеснул в кружку пенящегося пойла. Я залпом осушила горьковатую жигу.

Сзади что-то грохнуло. Громила в углу опрокинул стол и вцепился в плотку тощему мужичонке.

— Я тебе говорю, шенок! Я шесть лет в гвардии служил! Даже атракская сучка Фаски была храбрее тебя! Где-то в наших краях вчера сдохла.

Атрак. Я где-то уже слышала это название.

Тело покрылось мурашками. Я отвернулась к стойке и кивнула на пустую кружку. Хмель ударил в голову. Тело стало тяжёлым, ватным. Тупо уставившись в потолок, я думала лишь о том, как не хочется завтра просыпаться. Работа в шахте и пьянство превратили меня из юной красивой девушки в нечто уродливое. Руки и ноги покрывали синяки и шрамы: под коленкой красовался круглый рубец от случайного удара киркой, а на боку целая гроздь отметин от неудачного падения на грабли. Зато эти годы под землёй сделали меня выносливой. Руками я теперь могла работать долго и без усталости.

Я напилась до того состояния, когда мысли становятся тяжёлыми и неспешными. Воспоминания накатили сами собой.

Когда я пришла в семью Шетти, мне было двенадцать. Аннет была старше меня на три года, во многом заменяла мать. Я до сих пор помнила её чёрные волосы, большие голубые глаза в рамке густых ресниц, тонкую изящную фигуру. Она всегда была безупречна, одежда с иголочки, каждая волосинка на месте. Этому она долго пыталась научить и меня. Но я была непослушной и неаккуратной, терпеть не могла платья, ненавидела порядок в комнате и мало заботилась о том, как выгляжу. В этом Шайл был мне под стать, в его комнате царил вечный хаос. Он старше меня на два года, но всегда, сколько я помню, вёл себя как придурок. Учёба ему не давалась, рыболовное дело навевало тоску. Он только и мечтал о посвящении в рыцари и вечно возвращался домой в синяках после уличных драк. Но какие рыцари? В Кангахаре такого понятия не было. Были лишь солдаты, которых кидали из одного пекла в другое.

Сейчас брат изменился. После смерти отца и сестры в нём погас всякий запал. Даже рыцарские идеалы больше не будоражили его. Но в детстве было кое-что особенное. То, в чём даже брат принимал участие. Наши вечера у камина они придавали жизни какой-то настоящий, тёплый смысл.

Мне пришлось обернуться, когда кто-то потрепал меня за плечо. Шайл появился передо мной собственной персоной. Тяжело плюхнулся на соседний стул, небрежно смахнул со лба кудри цвета спелого каштана, поправил заляпанный воротник рубахи и щёлкнул пальцами, привлекая внимание шинкаря. Сделал заказ и только после этого повернулся ко мне.

— Чего это ты не на работе, вечная тудяга?

Старший из детей Шетти всегда любил колко пошутить. Но его слова давно меня не цепляли. Я знала, что брат скуп на нежность. Лишь тихонько сказала в ответ.

— Я сегодня была у наших.

— Я завтра схожу.

По его тону я всегда распознавала ложь. А в разговоре о семье он врал практически всегда. До сих пор не мог смириться и всё искал отговорки, чтобы не идти на могилы. Может, он просто боялся, что это сломает его окончательно. Когда я хоронила Аннет, Шайл даже не пришёл проститься.

— Я завтра уезжаю, — сказал он, отводя взгляд. — Перед этим схожу.

— Куда это?

— Попробую обосноваться на материке. Говорят, в королевствах нужны шуты. Как думаешь, получится?

Я толкнула его в бок.

— Ты даже деньгами не обзавёлся. Решил вплавь пересечь Кибелево море? Или думаешь прокатиться верхом на акуле?

— Мои ребята нашли корабль. Отплываем в Читтагонг завтра на рассвете, а оттуда уже в море. Так что это наша последняя встреча. — Он помолчал. — Но я напишу тебе, когда встану на ноги. Может, и тебя заберу к себе. Хотя — Шайл горько усмехнулся. — Ты отсюда, кажется, никогда не уедешь.

Я осушила ещё одну кружку. Обстановка накалялась, и я уже не могла трезво воспринимать всё, что говорил сводный брат. По его рассказам, они с друзьями за год наворовали столько, что хватит всем на долгую и счастливую жизнь, да ещё и детям останется. Я уже собралась начать очередную лекцию, но не успела. Лишь открыла рот, как за спиной опять что-то грохнуло.

Дверь таверны распахнулась. Внутри ввалился мальчишка лет шестнадцати. Его лицо было искажено гримасой абсолютного ужаса.

— Они пришли! — выкрикнул он, захлёбываясь кровью. — Война

Едва слова сорвались с его губ, как он рухнул лицом на пол. Из спины торчала стрела с чёрным оперением.

И я снова вспомнила. Как к нам впервые пришли Каменные Солдаты.

Мне тогда было восемнадцать. Билл купил новую лодку. Мы стояли на пирсе, когда к нему подлетели двое в чёрных плащах. Аннет схватила меня за руку. Билл успел крикнуть одно слово:

— Домой!

Весь город собрался смотреть, как солдаты вздёрнут на рее всех «неверных». В тот день они подвесили жрицу, двух советников, троих купцов и Билла.

Я изо всех сил удерживала сестру. Она никогда бы не смогла жить с этим горем внутри. Через год её не стало.

Резкий толчок вернул меня в реальность. Шайл тряс меня за плечи.

— Надо выбирать!

Я оглядела таверну. Выход был забаррикадирован толпой. Крики, вопли, затоптанные тела. Мой взгляд упал на окно.

— Туда!

Я легко подтянулась и выскользнула наружу. Шайл следом. Город вспыхивал, как сухая трава. Улицы заполнили те, кого я знала по самым страшным воспоминаниям.

Каменные Солдаты.

Они были облачены в тяжёлые латные доспехи, лица скрывали шлемы в виде медвежьих морд. Один из них оказался в двадцати футах. Его сапог стоял на спине старика, которого он только что зарубил. Он вытер меч и заметил нас.

— Какая милашка, — прохрипел солдат, снимая шлем. По его лицу расплзлась ухмылка. — Отличный трофей.

Он шагнул вперёд.

Моя рука скользнула в карман брюк. Крохотный нож. Подарок Билла на шестнадцатилетие.

«Ты должна уметь защитить их», — сказал он тогда.

Солдат занёс меч. Я выхватила нож и метнула.

Лезвие вошло ему в глаз.

Не в тот, в который я целилась, но исход был тем же. Он рухнул на колени, судорожно схватившись за лицо. Кровь хлынула между пальцами, заливая нагрудник доспеха. Он пытался что-то выкрикнуть, но из горла вырывалось лишь булькающее кряхтение. Потом завалился на бок и затих.

Я смотрела на него, и внутри поднималась странная, ледяная волна. Не страх. Не отвращение.

Облегчение.

Я ждала этого пять лет. Не этого конкретного солдата, но одного из них. Одного из тех, кто убил Билла. Кто разрушил нашу семью и наш дом.

Я думала, что почувствую что-то ещё. Ужас. Раскаяние. Ничего. Только пустота. И счёт. Один.

Но руки тряслись. Когда я опустила взгляд на свои пальцы, они дрожали так, будто я стояла на морозе. Горло сжалось. Я сглотнула солёный привкус.

— Ирма! — Шайл дёрнул меня за руку. Рядом со свистом пролетела стрела. — Бежим!

Я рванула с места, но не сразу за братом. За два прыжка оказалась перед мертвым солдатом, вырвала из его глазницы свой нож. Затем так же быстро оказалась вновь рядом с Шайлом.

— Прости, я чуть в штаны не наложил! — выкрикнул он, тяжело дыша.

— Обойдётся! — бросила я, петляя между горящими развалинами.

— Откуда ты научилась так метать ножи? — выкрикнул брат.

— Папа учил, — выдохнула я, и эти слова обожгли горло.

Для своих родных детей Билл был обычным рыбаком. Но не для меня. Когда мы с ним впервые встретились, я скрывалась на его посудине. Сидела в пустой бочке из-под рыбы. Он выведал у меня, что я осталась сиротой, а заслуга в этом принадлежала исключительно Каменному Королю. Тому правителю, что не щадил жителей даже собственных земель. Земель, где я раньше жила. И я боялась его и ненавидела одновременно, что тогда, что сейчас.

Оказалось, в прошлом Билл был наёмником, ещё до того, как встретил Агнесс — мать Аннет и Шайла. И когда мне исполнилось четырнадцать, он начал обучать меня. Я должна была уметь защитить себя и детей в случае его смерти.

Я не справилась.

Глава 2

Мы мчались в сторону лачуги Шайла. Позади полыхал уже целый квартал.

Когда дверь наконец распахнулась, я ввалилась внутрь и на мгновение перевела дух. Шайл метался по комнатам, сгребая в мешок всё, что могло пригодиться. Я подошла к окну.

Огонь уже перекинулся на соседнюю улицу. И тогда я увидела его.

Алая мантия с капюшоном, скрывающая лицо. Костлявая рука сжимала поводок. Рядом огромная гончая.

Я уже видела его. Давным-давно, в глубоком детстве. В ту ночь, когда мой настоящий дом рухнул в одночасье.

— Быстро! — крикнула я брату. — Помоги!

Мы забаррикадировали дверь тумбой. Пёс рвал дерево когтями. Мы рванули к лестнице на чердак. Шайл дёрнул за верёвку, открывая люк. Я взлетела по перекладинам, он следом. Внизу раздался грохот, дверь слетела с петель.

Брат схватил меня за руку, и мы рванули вдоль улицы, перепрыгивая с одной крыши на другую.

Шайл, всегда знавший город как свои пять пальцев, действовал за нас обоих. Его хватка была железной, шаги уверенными. Видимо, скитания последних лет прошли не зря. Я оборачивалась, погони не видела, но собачий вой не стихал. Словно преследователи растворились в воздухе рядом с нами.

Пришлось сделать крюк. Мы помчались обратно к площади, затем свернули на соседнюю улицу. Через десять минут спустились по водосточной трубе в глухие трущобы. Здесь пока царил неестественная тишина. Враг сюда ещё не добрался.

Шайл вырвался вперёд, к одному из покосившихся домов, на двери которого белой краской был намалеван кривой осьминог. Брат постучал.

Из-за двери раздался низкий мужской голос:

— Пароль?

— Трёхглавый Тритон, — выдохнул Шайл.

Щелкнул замок и мы ввалились внутрь. Здесь воняло плесенью, табаком и мужским потом.

Я узнала Дикого — темнокожего хаяри с космами. И Дина Брауна — такого же бледнолицего, как я.

— Девчонка с нами не плывёт, — отрезал коренастый хильдин со шрамом на глазу.

— Ещё как плывёт, — огрызнулся Шайл, ставя сумки на пол.

— Всё полетит к чертям из-за неё!

— Всё уже давно полетело, Кали, — спокойно заметил Дикий, прищурившись. — От неё проблем будет даже меньше, чем от нашего «белоснежки». — Он кивнул в сторону Дина. Тот лишь хмуро отвернулся.

Мужчины продолжали перепалку, а я молча прошла на кухню. В углу стоял глиняный кувшин с водой. Я осушила его одним долгим глотком, пытаюсь заглушить стук сердца, отдававшийся в висках и горле. Хотелось побыть одной. Но шаги приблизились.

— Как ты? — спросил Дин.

Когда-то, в другом мире, мы дружили. Он, такой тихий и задумчивый, чаще тянулся к нам с Аннет, чем к хулигану Шайлу, за что регулярно получал от парней насмешки. Теперь его голос звучал чуждо.

— Да не очень, — попыталась я выжать улыбку, но получилась лишь гримаса.

— Не переживай, ты поедешь с нами. — Он попытался ободрить. — Шайл уговорит Кали.

Я не могла смотреть на него без боли. Между нами лежала пропасть. Глупо, но я винила его в смерти Аннет. Хотя они всего лишь вместе гуляли в тот день, когда сестра слегла. Он не заражал её. Он ведь живой.

— Я не переживаю, — ответила я сухо. — Я вообще не хочу уезжать.

— Но почему?

И тут во мне что-то сорвалось. Слезы хлынули сами собой.

— Потому что здесь вся моя жизнь. Здесь моя семья.

Дин шагнул ближе, встал слева от меня. Достал из кармана потертую металлическую коробку, вытащил сигару и закурил. Дым за клубился едким облаком.

— Мёртвые тебе не помогут.

Я знала. Но принять не могла. Да, это звучало безумно, но это была моя правда. И не этому парню такое говорить.

— Я устала убегать, — выдохнула я. — Ты ведь знаешь, что мы пережили. Ты пережил это с нами.

Дин резко поднял на меня глаза. Он-то знал: я говорила не про сегодняшний день. Это было про всё, что раньше.

К нам подошли Шайл и двое его товарищей, прервав разговор.

— Отправляемся в Читтагонг, — объявил брат чётко. — Оттуда мы с парнями двигаем в Килберн.

— Не придумали ничего лучше города портовых шлюх? — Я чувствовала, как нарастает холодная ярость. — А что прикажешь делать мне?

— Мы купим тебе дом в Читтагонге.

— Не нужен мне дом, Шайл! — голос сорвался на крик. — Я не хочу ещё один дом, который разнесут убудки! Почему я не могу поехать с вами?

— Потому что судно мужское, — грубо встрял один из хаяри. — Женщинам на борту не место. Запрещено!

— Тогда к чёрту вас, — я двинулась к выходу. — К чёрту тебя, Шетти!

Шайл схватил меня за плечо, развернул и обхватил, стискивая в объятиях.

— Если бы у нас было время, я бы нашёл другой корабль, — прошептал он.

Я выхватила у него сумку с продуктами, оттолкнула, окинула злобным взглядом всех этих парней и бросилась прочь.

На пороге я обернулась. Последний раз посмотрела на брата.

— Я найду того, кто все это сделал, — сказала я тихо. — И убью. Даже если это будет стоить мне жизни.

Отплыть в Читтагонг вскоре показалось мне не самой плохой идеей. Особенно когда я, сверкая пятками, бежала от патруля Каменных солдат.

На бегу я успела уловить обрывки криков: армия Кангахара подошла к реке Жанра и эвакуирует женщин и детей. Туда я и направилась. Бежала несколько часов без остановки, пока ноги не подкосились от изнеможения. Меня подобрала пожилая владелица лавки специй. Я хотела отказаться, пойти пешком, но сил не было. Пришлось принять помощь. Это бесило, но спорить с собственным телом, которое отказывалось делать следующий шаг, я не могла.

Она помогла мне забраться в повозку, и я провалилась в тяжёлый, беспмятный сон.

Когда мы добрались до реки, женщина разбудила меня лёгким толчком. Я в ужасе огляделась. Сотни людей шли, опустив головы. Их боль была не только в слезах. Она жила в подкашивающихся ногах, в дрожащих руках, в пустых, остекленевших взглядах. Те, у кого были дети, пытались сохранить остатки сил и держаться в колонне к пирсу. Другие кричали, рвали на себе волосы, бились в тихой истерике.

— Боль забрала у них последние крупницы разума, — тихо сказала проходившая мимо женщина, даже не глядя на меня.

Я влилась в колонну, натянув платок на самые брови, стараясь идти в самой гуще толпы, чтобы не выделяться. Через час меня посадили в узкую, переполненную лодку. Нас было семеро: я, три изможденные женщины, двое мальчиков лет пяти и девочка, которой не больше семи. Дети плакали, прижимаясь к матерям, те шептали молитвы, а я закрыла уши руками и пыталась не сломаться. Всё, что происходило, было чудовищно несправедливым. Я оставила свою семью, покинула город, убила человека. Внутри всё кричало от ужаса и бессилия, но, глядя на испуганные детские лица, я стискивала зубы. Нельзя было пугать их ещё больше.

— Извините, — тихий голос отвлек меня.

Одна из женщин смотрела на меня умоляюще.

— У вас нет случайно еды? Просто дети голодны.

Она кивнула на мою холщовую сумку. Я оглядела других спутников. У них не было ничего, кроме страха в глазах и пустых рук. Я открыла мешок, чтобы посмотреть, что Шайл успел туда сунуть. Два кирпичика чёрного хлеба, фляга с водой, полоска вяленого мяса и кусок сыра. На меня одну этого хватило бы на весь путь. Но нас было семеро. Запах сыра и вяленого мяса ударил в нос, слюна предательски наполнила рот. Инстинкт кричал: спрячь, промолчи, это твоё. Но я не смогла. Я посмотрела на детей и протянула женщине сумку.

— Распределите на всех.

Её глаза засверкали благодарностью. Я отвернулась, уставившись на удаляющийся берег. Бхарат теперь был лишь темным пятном на горизонте. Я начала тихо молиться, чтобы Шайл выбрался. Вся моя обида на него растаяла, словно дымка. Вместо неё пришла тягостная, давящая стыдливость: я бросила его и сбежала.

Я смотрела вдаль, пока город не превратился в крошечную искорку света, дрожащую во тьме. Только алое небо напоминало о том, что произошло. Потом глаза сами собой закрылись и сон накрыл меня тяжёлой волной. Мне приснился тот солдат с моим ножом в глазу. Он стоял и что-то хрипел, губы двигались, но слов я разобрать не могла. А потом он улыбнулся. Как будто знал, что я стану такой же, как он.

Глава 3

Я проснулась от головной боли. Мы все еще плыли по реке, не вышли в море. По берегам мелькали деревни и почти нигде не было света. Лодки, что шли впереди нас, кричали людям на берегу, умоляя бросить хоть немного еды. Им повезло меньше, чем моим спутникам: с берега летели лишь проклятия. Маленькая девочка, притихшая у моих ног, жевала кусок сыра и смотрела на меня большими темными глазами.

— Осталась вода? — спросила я у женщин. Голос прозвучал хрипло, будто вовсе не мой.

Одна из них молча протянула мне флягу. Я сделала всего один глоток, ровно столько, чтобы смочить пересохшее горло, и вернула обратно.

Мы плыли по реке ещё четверо суток, прежде чем вышли в открытое море. Вода к тому времени кончилась. Дети плакали всё тише, не было сил даже на слёзы. Женщины пытались растянуть последние крошки, почти не ели сами, но и этого не хватило. Я пролезла к корме.

— Эй, на лодке! — крикнула я.

Женщины с передней лодки обернулись.

— Вы не знаете, сколько еще плыть? Спросите у кого-нибудь!

— Говорят, дня два, — через минуту донесся ответ.

Жажда убивала. Я бы ни за что не стала пить из грязной реки, но и из солёного моря не попьешь. Поэтому я просто легла на дно лодки, снова закрыла уши руками и попыталась заснуть. Лодка покачивалась на волнах, будто убаюкивая, но покой этот был обманчив, как всё, что у нас осталось.

Солнце клонилось к закату, осыпая воду ржавыми бликами, а соль въедалась в губы, кожу, в мысли. Женщины молчали, даже шёпот казался теперь лишним. Только дети иногда всхлипывали от жажды, страха и бессилия. И эти звуки были тяжелее всего.

— Потерпи, — прошептала я, проводя ладонью по волосам мальчика, сидевшего у моих ног. — Ещё немного осталось.

Берег тянулся слева серо-зелёной полосой. Каменные уступы сменялись редкими рощами. Этот берег был красив: высокие дома, высеченные прямо в скалах, виноградные лозы, цепляющиеся за камни, тонкие минареты, что смотрели в небо. Но вскоре и их ждёт та же участь, что и мой дом.

— Это Бхарат? — спросила одна из женщин.

Я покачала головой.

— Мы оставили Бхарат.

Я отвернулась, чтобы никто не увидел, как дрогнули мои губы и на глазах выступили слезы. Там, среди этого дыма, остался мой старший брат.

Ветер стих. Над морем повисла густая жара, солнце било в глаза, словно пыталось выжечь мне зрение. Одна из женщин достала последнюю корку хлеба и разломилась на семь частей. Я взяла свою долю и долго держала на ладони, не решаясь есть.

— Через два дня уже Читтагонг, — тихо сказала я, будто старалась вселить уверенность хотя бы в воздух. — Там будет еда.

Это же столица провинции, куда свозили зерно с плодородных южных равнин, где рыбу ловили целыми косяками. По крайней мере, так говорил Билл. Я отдала свой кусок хлеба и дети поделили его на троих.

Я не помню, сколько проспала. Солнечный удар и обезвоживание затуманили сознание, и я пришла в себя, лишь когда лодку начали пришвартовывать. Меня разбудили чужие руки.

Читтагонг встретил нас оглушительным шумом и запахами; такими живыми и густыми, что в них не верилось. Я попыталась подняться, но лодка качалась под дрожащими ногами.

Выбраться на берег удалось только с помощью одной из моих спутниц. Женщины плакали, но теперь от облегчения. Они, подхватив детей, потянулись к набережной. Я последовала за ними.

Нас, изможденных и оборванных, было около сотни. Местные смотрели с любопытством, смешанным с недоверием. Я подбежала к первому же фонтану и, забыв обо всём, стала черпать воду ладонями прямо из каменной чаши. Вода была прохладной, почти нереальной, потому что солнце здесь не жарило, оно просто тепло касалось кожи.

Потом я шла по набережной, сжимая кулаки до боли. Воздух был дурманящим от ароматов специй, жареных лепешек, копчёной рыбы и дыма из пекарен. Слева тянулись ряды с яркими тканями и сверкающими на солнце безделушками. Женщины в пестрых сари смеялись, торгуясь у прилавков. Мужчины катили по мостовой тяжёлые деревянные телеги.

Как можно радоваться, когда всё вокруг рушится?

Я остановилась у лотка, где пекли лепёшки. Они шипели на раскаленной плите, блестели от масла. Живот сжался от голодного спазма. Мне стало стыдно: только что осуждала этих людей за их покой, а теперь стою, не в силах оторвать взгляд от еды.

Я решила уйти.

— Девочка, стой, — окликнул меня мягкий голос.

Мужчина отошёл от своего прилавка, протягивая лепёшку, завернутую в бумагу. Я дрожащими руками взяла хлеб, откусила кусочек и слёзы предательски покатались из глаз.

— Голод не должен знать войны, дочка. Ты из Бхарата?

Я только кивала, не в силах оторваться от невероятно вкусного хлеба. Горячие крошки прилипали к губам, и каждая казалась благословением. Потом старик протянул мне кружку с горячим чаем. Я пила его маленькими глотками, сидя на табурете за его прилавком, и слёзы текли сами собой: от облегчения, от усталости, от этой простой человеческой доброты.

Ветер донес откуда-то звонкий детский смех. Я вытерла лицо рукой и огляделась. Те женщины и дети, с которыми я плыла, уже направлялись к постоялому двору — видимо, нашли себе пристанище. По спине пробежали мурашки. Я закрыла глаза и прошептала:

— Может, Читтагонг ещё спит, и война ему только снится? — прошептала я.

Я поблагодарила старика по старинному обычаю хаяри, коснувшись лбом его морщинистой руки. Остаток дня провела на берегу: искупалась в прохладной воде, постирала пропахшие дымом и потом одежды, спряталась за грудой валунов, чтобы дожидаться, пока всё высохнет. Когда солнце скрылось за горизонтом, а город зажегся тысячами огней, я вернулась на набережную.

Читтагонг ожил ещё сильнее: повсюду гремели бубны и барабаны, воздух дрожал от песен. Женщины кружились в быстром танце, мужчины ловили их в прыжке, подбрасывая вверх. Звон колокольчиков и монеток на нарядах сливался в единую, ликующую мелодию. Вокруг танцующих столпились и местные, и беженцы. Даже дети пытались повторять движения. Я постояла в стороне, наблюдая за этим праздником жизни. Потом тихо свернула за угол.

Там, в переулке, шум стихал с каждым шагом. Среди каменных домов с резными ставнями стоял небольшой храм: белоснежный, с круглыми витражными окнами. Его двери были распахнуты настежь, позволяя увидеть тёплый свет сотен горящих свечей. Меня словно потянуло незримой нитью. Я почти бежала по мостовой, сбросила сандалии у порога и переступила через него.

Внутри пахло ладаном, воском и тишиной. Я сделала глубокий вдох и подошла к алтарю, где в мягком свете стояла статуя богини Нилуи — той, в которую верят все коренные кангахарцы. Венок на голове, чаша в руках. Я не знала молитв этой богини. Мои детские молитвы были обращены к другому богу. Но здесь, сейчас, все боги казались одним ликом безмолвного сострадания.

На деревянном столике лежали тонкие восковые свечи. Я взяла одну, прикоснулась фитилем к пламени уже горящей свечи.

— За них, — мой шепот нарушил тишину. — За тех, кто остался в Бхарате.

Я зажгла свечу и опустилась на колени.

— Я клянусь, — прошептала я, глядя на статую. — Не ради богов. Не ради людей. Ради себя. Я найду Каменного Короля. Я посмотрю ему в глаза. И я убью его. Если я умру, значит, была недостойна. Если останусь жива, никто из них не будет спать спокойно.

Слова повисли в тёплом воздухе. Я почувствовала, как они оседают внутри, тяжело, как ртуть.

Я немного нагрела кончик свечи, и она прилипла ко дну каменной чаши у подножия статуи. После этого силы окончательно оставили меня. Я опустилась на прохладный каменный пол у стены, обхватила колени руками и провалилась в глубокий, без снов, сон.

Глава 4

Я проснулась незадолго до того, как храм начал наполняться первыми посетителями. Воздух внутри был тихим и прохладным, и мне совсем не хотелось выходить наружу. Но оставаться здесь, выглядеть жалкой бездомной и смущать прихожан, я не могла.

Я вышла и пристроилась под раскидистым деревом неподалеку. Если вчера была хотя бы короткая передышка, то сегодня я проснулась с тяжелой, тянущей тревогой и острым чувством вины, сковавшим грудь. Нам ведь было по пути. Я могла прибыть сюда вместе с Шайлом.

Я позволила этим мыслям ещё немного потерзать себя, потом встала и направилась к набережной.

Море этим утром было бурным и беспокойным. Солнце, пробиваясь сквозь рваные облака, заливало волны переливающимися медными и свинцовыми красками. Оно было прекрасным и пугающим одновременно. И я подумала: если брат жив, он сейчас тоже смотрит на это море. Где-то там, вдалеке.

Эта мысль была единственной тонкой нитью, что связывала меня с ним и с надеждой.

— Он ведь должен был уже быть здесь, — сказала я вслух.

Я побежала сломя голову, будто могла просто найти его здесь, целого и невредимого. Я мчалась так стремительно, что едва не опрокинула женщину с корзиной. Добежав до причала, стала вглядываться в лица, в очертания лодок и кораблей, пока глаза не начали болеть.

Брата нигде не было.

Но я спрашивала не только о Шайле.

— Вы не видели чужаков? — добавляла я, понижая голос. — Со светлой кожей, голубыми глазами. Каменные солдаты иногда ходят без доспехов.

Большинство пожимали плечами. Один старый рыбак хмуро буркнул:

— Не надо нам таких. Пусть война остаётся за морем.

Я кивнула и пошла дальше. Запоминала лица тех, кто отвечал слишком быстро. Или слишком медленно.

Тогда я начала расспрашивать всех подряд: рыбаков, торговцев, моряков.

— Вы не видели других лодок из Бхарата? Знаете что-нибудь?

В ответ лишь покачивание голов и сочувственные взгляды. В тот же миг я приняла решение: буду ночевать здесь, у самой воды, каждую ночь. Пока не увижу его. Пока не узнаю.

На третий день я наткнулась на знакомую фигуру.

Он сидел на ящиках у склада, курил какую-то вонючую трубку и чистил нож. Я узнала его по шраму через правую бровь, один из подельников Шайла. Кали. Тот самый, который кричал, что «девчонка не плывёт».

Заметил он меня поздно. Я уже стояла перед ним.

— Ты, — я не спросила. Констатировала.

Он напрягся, но быстро взял себя в руки.

— Чего надо?

— Вы все таки уплыли! Где Шайл?

— Откуда мне знать? — он сплюнул. — Мы расстались в порту. Он сказал, что будет искать тебя и не поплывет.

Я шагнула ближе. Он не шелохнулся, но его пальцы сжали нож крепче.

— Ты ведь знаешь, кто напал на Бхарат, — сказала я. — Ты торговал с ними. Я видела, как ты говорил с одним из Каменных в прошлом году.

Его глаза сузились.

— Слушай, девка...

— Нет, это ты слушай, — я подалась вперёд, упёрлась рукой в стену рядом с его головой. — Ты скажешь мне всё, что знаешь. Где они держат пленных. Куда везут товар. Кто их люди в городе. Если нет, я расскажу капитану порта, кто поджёт склад с зерном прошлой осенью. Я была там. Я видела.

Я вытащила нож из кармана, буквально на секунду. Но блеск, отражающий солнце от холодной стали, сделал свое дело. Кали побледнел под загаром.

— Ты не посмеешь.

— Я уже убила одного паренька, который так думал, — я говорила тихо и спокойно. Каждое слово падало как удар. — Он был выше тебя. И в доспехах. А ты просто гнилой торгаш. Решай.

Он молчал. Я ждала. Внутри всё дрожало, но я не показывала.

— Они... — он сглотнул. — Они держат связь через лодочника на северном пирсе. Старик с белым шрамом на руке. Он передаёт им... имена.

— Ещё.

— Я не знаю больше ничего!

— Ещё, — повторила я, и мой голос чуть дрогнул.

— В порту есть таверна «Синий якорь». Там иногда ночуют их люди. Спрашивай Финна. Скажешь... скажешь, что от меня.

Я отстранилась. Кали выдохнул, как вынырнувший из воды.

— Если ты врешь, я вернусь, — сказала я. — И тогда мы поговорим уже по-другому.

Я развернулась и ушла. Не оглядываясь. Пальцы дрожали. Я спрятала их в карманы брюк.

Местные рыбаки, с которыми я заобщалась, по-своему опекали меня. Мы вместе ужинали, они делились уловом, молча подкладывая в мою миску самый жирный кусок. Я рассказывала им отрывистые истории о доме, они в ответ байки о штормах и морских духах. И как-то я услышала такую фразу:

— Говорят, флот Короля-Камня стоит у устья реки. Вот Читтагонг и ликует, будто война где-то далеко. Ещё ходят слухи о странных людях в красных плащах. С ними псы, которые питаются человечинной.

Но с каждым днём силы таяли. Спала я прямо на куче старых сетей и ящиков, и уже на третью ночь спина ныла так, будто её переломили. Сон стал коротким и тревожным, прерываемый каждым шорохом.

Я могла уйти с набережной. Найти комнату. Горячую еду. Кровать.

Не ушла.

Спала на досках, пока рёбра не отдавались болью при каждом вдохе. Это было меньшее, что я могла сделать. Шайл, если ты жив, прости. Если нет, тем более.

Через несколько дней в порт влилась новая волна беженцев. Я вглядывалась в каждое лицо, в каждую фигуру. Ни Шайла, ни Дикого, ни даже Дина среди них не было.

Что-то во мне надломилось окончательно. Слезы текли сами: тихо и бесконечно. Я перестала есть, даже когда рыбаки клали еду рядом. Я просто сидела на краю причала, поджав колени, и смотрела в ту бесконечную, равнодушную даль, где море сливалось с небом. Внутри была лишь пустота. Холодная и тяжелая.

Меня привела в чувства женщина, с которой мы плыли в одной лодке. Она обняла меня, почти силком отвела в постоялый двор, где уютилась с дочерью. Оказалось, каждые несколько дней хозяйка приносила в общую комнату длинные, исписанные мелким почерком листы; списки официально погибших в Бхарате. Я судорожно листала их вместе с другими женщинами, пальцы дрожали, смазывая буквы. Мне повезло больше, чем многим: имени брата среди сотен чужих имён я не нашла. Списки, как шептались здесь, составляли сами Каменные солдаты и вывешивали на площади, а потом их переписывали другие и отправляли с беженцами.

Женщины вокруг кричали, рыдали, бились в тихой истерике. А я, как бы ужасно это ни звучало, смогла наконец выдохнуть.

Пришлось собирать себя по кусочкам.

На следующей неделе я решила, что не могу больше принимать подачки. Совесть не позволяла.

Одна добрая женщина, владелица пекарни в конце набережной, взяла меня на работу.

— Война, так что всем сейчас не до печатей и переписей, — сказала она. — Лишь бы руки работали.

И мои руки работали. Готовить, конечно, не доверили, но выдали чистую одежду, швабру и тряпку. После шахты это казалось почти отдыхом. Работала я каждый день, и многие мужчины стали захаживать почаще — не столько за булками, сколько поглазеть на новую работницу. Хозяйке это нравилось, поэтому платила она исправно и бесплатно кормила обедом. А у меня от каждого такого взгляда холодело внутри. Я научилась опускать глаза и быстро уходить в подсобку.

Раз в неделю я бегала к своей знакомой в постоялый двор проверить новые списки. Имя Шайла так и не появлялось.

В конце недели, закончив работу, я вдруг осознала, как смертельно устала спать на улице. Я отложила немного монет и решила позволить себе отдых, всего на одну ночь.

Внутри постоялого двора «У Эрио», за дальней дверью в коридоре, скрывалось нечто вроде таверны. Та самая под названием Синий Якорь, о которой говорил Кали. Уютная и даже дорогая для портового города. За вход взяли четыре серебряника.

Я уселась и заказала стакан виски. Оно обожгло горло. Вкус был пьянящим и глубоким, лучше всего, что я пила раньше. Опьянение накатило быстро, и я долго сидела, собирая мысли в кучу, разглядывая деревянные резные вывески, стеклянные стеллажи с дорогим алкоголем и парочку посетителей. Собиралась уже уходить спать, как в комнату ввалились трое мужчин.

Я замерла, но они даже не глянули в мою сторону. Плюхнувшись на кожаную скамью в углу, один из них хрипло окликнул мальчишку-чашника, и тот потащил поднос со стаканами и графином. Пьяницами они не выглядели, скорее просто уставшими. Их отличала светлая, почти молочная кожа, но не та, что у меня или Дина, откуда-то из других краёв.

Я пыталась вслушаться в их разговор, но все мы были изрядно навеселе. Они бормотали на каком-то чужом наречии, смешанном с общим языком, и сами едва связывали слова. Поэтому я просто наблюдала. У всех троих было добротное оружие. Они даже хвастались им друг другу, перебирая клинки. Я встала и, немного пошатываясь, направилась к их столу.

— Доброй ночи, господа, — выпалила я.

Мужчины удивлённо уставились на меня, оценивающе скользнув взглядом с головы до ног. Один из них молча подвинулся, уступая место на скамье. Я кивнула чашнику и заказала для них ещё один графин. Щедрость, на которую ушли почти все сегодняшние заработки... но, кажется, оно того стоило. Новая порция виски и усталость сделали этих мужиков мягче.

— Вы откуда? Мы с вами похожи, я тоже не местная.

— Из Баярса, — ответил мужчина напротив. В его руке что-то сверкнуло, я успела разглядеть рукоять кинжала с изумрудной вставкой. Я заставила себя расслабить плечи.

— А я из Дурно! Мы с вами почти соседи.

Никакого Дурно и в помине не существует. Но кто из этих подвыпивших мужчин станет сейчас вспоминать географию? Я внимательно следила за их лицами. Тот, что напротив, первым растянул губы в ухмылке. За ним неуверенно улыбнулись и остальные.

— Скучаешь по дому, красотка? — пробормотал мужчина справа, толстогубый и рыжеватый. — Моя мать сейчас ох как горюет, что я здесь... А мы тут что? Деньги заработать пытаемся.

— Заткнись, Тобер, — фыркнул третий, самый высокий. — Ты давай всё ей про себя расскажи.

Тобер нахмурился, и я почувствовала, как напряглись его плечи. И я напряглась. Если сейчас вспыхнет драка, мне не вернуться.

— А ты тут что делаешь? — перевёл разговор рыжеватый, глядя на меня исподлобья. — Как тебя звать?

— Ирма.

— И что ты, Ирма, сидишь с нами здесь? — спросил высокий, его взгляд стал пристальнее. — Где твоя семья? Друзья?

— Все мертвы, — отрезала я, вкладывая в слова всю накопленную горечь. — А я доживаю остатки жизни здесь.

Мы ещё немного поговорили. Я рассказала им о Бхарате и о нападении Каменных солдат, опустив, конечно, самые личные детали. Они, в свою очередь, подтвердили мои догадки: они были наёмниками. Сразу было понятно, ведь такое оружие носят либо солдаты, либо те, кто продаёт свою силу. Пока мы беседовали, я мысленно пересчитала все ножи и кинжалы, торчащие у них из-за поясов и лежащие на столе.

Один из мужиков, Тобер, выболтал лишнее. Их последним заказом была девушка — изменница короны. Она сражалась против их короля и собирала сторонников где-то в окрестностях Бхарата.

Главный из троицы, тот самый, что сидел напротив меня, вытащил из кармана странный кулон. Он был из серебра, в форме раскрытого глаза, заточенного в тонкий треугольник, а на месте зрачка сверкал маленький, но яркий изумруд. Я, видимо, так пристально на него смотрела, что он усмехнулся и протянул его мне через стол.

— Всё равно за него не выручишь много, — сказал он, пожимая плечами.

— Её звали Дженна Фаски, дочь атракского лорда, — мрачно добавил Тобер, уставившись в свой стакан. — Она была красивой.

Имя «Дженна Фаски» отозвалось в памяти эхом из Бхарата, пьяным криком громилы. Так вот кем была та «атрацкая сучка».

— Не сходи с ума, придурок, — резко оборвал его третий наемник. — Она наших пятерых положила, прежде чем Кук с ней справился. Красотка она или нет, та ещё сволочь. И заberi у девчонки серебро.

Я поёжилась. Я восхитилась храбростью этой женщины, которую никогда не знала. Меня даже не смутило, что наёмники называли её изменницей. От этих слов у меня внутри всё сжалось.

От Тобера, который явно всё приукрашивал, я успела узнать ещё немного: после жестокой казни брата Дженна стала наследницей лорда-отца и поклялась мстить тем, кто разбил её семью. Вот такая история.

Но мой интерес быстро угас, когда я заметила, как один из наёмников, самый высокий и молчаливый, начал меня разглядывать. Сначала украдкой, а потом всё откровеннее, будто раздевая взглядом. Я потратила последние медяки на ещё один графин, быстро попрощалась и буквально выскользнула из таверны, всё-таки прихватив медальон.

Глава 5

В комнате постоялого двора, где спали пять незнакомок, я долго вертела кулон в пальцах. Изумруд мерцал в свете свечи.

Дженна Фаски Изменница Пятерых убила.

Я сжала кулон в кулаке. Она сражалась. Она мстила за брата. И её убили. Но имя осталось. И этот кулон, ключ или ловушка, теперь лежал у меня на ладони.

Я спрятала его под рубаху. К сердцу.

Мысли не утихали, и к ним прибавилась странная, щемящая грусть по той атракской девушке. Кто все таки она была? За что её убили? Почему я держу в руках вещь, снятую с её тела? Я пролежала так несколько часов, пока за окном не посветлело.

Утром я отправилась к пирсу. Мне нужно было узнать больше.

И тут мои глаза округлились. Питт Шармо, парень с которым мы делили школьную скамью старших классов, сидел на ящиках, чинил порванную сеть. Он поднял голову, когда я подошла, и его лицо на мгновение напряглось, он не ожидал меня увидеть.

— Ты здесь? — спросил он осторожно.

— А где мне ещё быть?

— Я думал после

— Не продолжай.

Последний раз мы с Питтом виделись в год, когда не стало Билла. Наши пути разошлись, хотя мы даже какое-то время дружили. Мы с братом и сестрой уехали в Бхарат, а Питт с отцом сразу в Читтагонг.

Я села рядом. Помолчала.

— Питт, ты слышал что-нибудь о Дженне Фаски?

Он нахмурился.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Слышала в таверне.

Шармо отложил сеть, понизил голос.

— Она из Атрака. Её брата убили Каменные. Она собрала отряд, перерезала несколько их постов. Говорят, сам король обещал награду за её голову. И получил. — Он помолчал. — Её люди говорили, что она была бесстрашной. И безжалостной.

— И мёртвой, — добавила я.

— Да. Точно, мёртвой.

Мы помолчали. Я чувствовала, как кулон давит на грудь.

— Мне пора.

— А где твои брат и сестра?

Я не смогла ответить. Лишь поджала губы и помотала головой. Питт опустил голову и отвернулся к морю.

Мне отчаянно захотелось смыть с себя этот день.

Притащившись на пустынный берег, я убедилась, что вокруг ни души, быстро разделась и вошла в воду. Ранним утром море было прохладным. Я нырнула с головой. Соль щипала глаза, вода ворвалась в нос и горло. Я вынырнула, откашлялась и ещё долго вытирала лицо мокрой рубахой на берегу.

Зрение прояснилось, и я замерла.

Несколько дней в порту не было новых кораблей. Но сейчас у самого дальнего причала стояло крошечное торговое судно, только что бросившее якорь. И я будто нутром почувствовала: нужно бежать. Я впопыхах натянула одежду и даже забыла обуться. Горячая мостовая

обжигала стопы, но я не останавливалась. Когда уже была рядом с белым храмом, я увидела, как с корабля опускается трап.

Я прибавила ходу. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться наружу.

И в тот миг... Боги, это было чудо. Настоящее, невымышленное чудо. Потому что по трапу, неторопливо спускаясь, шли Дикий, Браун и Шетти. Слёзы хлынули сами, обжигая щеки. Я сделала последний, отчаянный рывок и оказалась прямо перед ними.

— Шайл! — я завизжала.

Брат заметил меня, ринулся вперёд. Я подскочила и прыгнула на него, обнимая руками и ногами. Мы оба плакали. Я чувствовала, как его тело трясется в такт моему, слышала, как тяжело он дышит.

— Ты жива.

Я не могла даже ответить. Я только плакала и старалась обнять его как можно сильнее.

— Ты жива, — вторил он. И добавил, пряча лицо у меня на плече: — Я думал, мне придётся тебя хоронить. Я думал... я не пережил бы этого.

Я успокоилась через пару минут ровно настолько, чтобы слезть с него, но не переставать обнимать. К нам подошёл Дин, обнял нас обоих.

— Мы думали, ты умерла, — сказал он.

Ещё через пару минут подошёл Дикий, поприветствовал меня кивком. Я перестала плакать, сводный братец вытер мне слёзы, а потом мы уселись на берегу. Я рассказала им, как добралась из Бхарата, как устроилась работать в пекарню. А они мне как потеряли почти всех людей, когда солдаты Каменного короля ворвались в их убежище. Спаслись только они трое... те, кто успел выскочить в окно второго этажа. На эвакуацию они не успели, отдали кучу денег торговцам, чтобы в последний момент забраться на их судно.

У меня разрывалось сердце. Сколько ещё в моей голове поместится погибших? Я была благодарна, что не знала имен всех тех ребят.

— Теперь наш план меняется, — сказал Шайл. — Мы вчетвером валим отсюда куда подальше. Часть денег у нас осталась.

— И куда мы отправимся? — спросила я.

— Да куда угодно, Ирси.

Он редко звал меня так. Только в те моменты, когда сам уже не верил своим словам и отчаянно пытался убедить в них меня. Я, пожалуй, поверила бы этому напору, если бы не его глаза. В них читалась такая усталая боль, что всякая ложь меркла перед ней. Его улыбка потухла. Что-то внутри надломилось безвозвратно.

— Можно на Солнечные Острова, — оживлённо предложил Дин. — Или к Новым Землям. А ещё...

— А можно просто помолчать, Дин, — резко, почти рыча, оборвал его Дикий.

Браун моментально смолк. Главарь отвернулся, уставившись в темноту за окном. Шайл в ответ на мой вопросительный взгляд лишь бессмысленно пожал плечами.

Вечером я вышла на набережную. Мне нужно было зайти в пекарню и предупредить хозяйку о скором отъезде. Пока мой брат и его друзья разбрелись по комнатам постоянного двора, я отправилась прощаться.

Хозяйка пекарни вздохнула, пожелала удачи, и я на прощанье купила у неё сдобных булок. Шла по пустынной набережной, жевала булку, мысленно прощаясь с огнями у причала, с запахом смолы и тиной. Отъезд не казался чем-то значительным. Я не успела пустить здесь корни, а значит, и душа не будет ныть по-настоящему.

Меня не было чуть больше часа, и я была уверена, что застаю всех спящими. Поэтому знакомая тёмная фигура у лавки с тканями заставила меня вздрогнуть. Это был Дикий. Он стоял, прислонившись к прилавку. Я сделала глубокий вдох и направилась к ним.

— Что ты делаешь?

— А ты? — он повернулся ко мне.

— Я шла к себе.

Дикий молча принял от продавца небольшой предмет в бумажной обертке, пару секунд вертел его в руке, словно взвешивая, и вдруг решительно сунул мне в руки. Я замерла от неожиданности.

— Держи, — буркнул он так, будто делал одолжение самому себе. — Считай, подарок. За то, что живая.

Я опешила от его слов. Мы молча поднялись в комнаты третьего этажа, которые брат оплатил для нас всех. Я, не глядя ни на кого, юркнула в каморку с жестяным тазом, служившую ванной, и дрожащими пальцами развернула свёрток. В грубой бумаге лежало нежно-голубое платье из тончайшего шёлка. На таких хрупких бретелях, что, казалось, они порвутся от одного взгляда. Я даже вылила на себя ведро воды, смывая пыль, прежде чем надеть его.

Я давно забыла, что я женщина. Но шёлк, такой холодный и необычайно мягкий, прикоснувшись к коже, напомнил мне об этом с такой болезненной остротой, что в глазах потемнело. Платье легло идеально: подчеркнув то, что нужно, и милосердно скрыв следы худобы и лишений.

Я вышла. Дикий сидел на подоконнике. Его тёмный, неотрывный взгляд встретил меня у самой двери. Я замерла, потом неслышно кивнула, говоря «спасибо». Это был самый искренний жест благодарности за многие месяцы.

В ответ он резко сорвался с места, швырнул окурок в ночь за окном и, не сказав ни слова, выскочил в коридор. Дверь захлопнулась с глухим стуком. В его уходе было то же самое отчаяние, что гнало меня когда-то прочь. Бегство от самой себя. Моё сердце ёкнуло.

Я бросилась следом. Пустой коридор поглотил звук его шагов, но в самом его конце, у поворота, мелькнула тень. Я свернула направо и остановилась перед единственной закрытой дверью. Той комнатой, что он, должно быть, выбрал для себя.

Сделав глубокий вдох, я вошла внутрь. Комната была крошечной и безликой: одно спальное место, шкафчик, окно. Дикий стоял спиной ко мне, его плечи были напряжены. Услышав скрип двери, он резко обернулся. В его глазах бушевало что-то незнакомое и пугающее. Отчаяние. Борьба.

Он шагнул ко мне, и дверь с грохотом захлопнулась за моей спиной. Не он её закрыл, это сделал порыв ветра или сквозняк, но звук прозвучал как приговор.

— Что ты делаешь? — выдохнула я, уже не понимая, спрашиваю ли я его или саму себя

Он не ответил. Вместо слов он сделал шаг, и его ладони, шершавые и горячие, легли на мои обнаженные плечи. Пауза, растянувшаяся на удар сердца. Потом его пальцы скользнули к подбородку, приподняли его. И его губы нашли мои. Это был не вопрос. Утверждение. Поцелуй, в котором смешались горечь и жажда. Я закрыла глаза, вжавшись в темноту, и постаралась изгнать из себя всю накопившуюся боль. Может, этот огонь, что исходил от него, сможет её выжечь? Может, именно он...

Мне захотелось в это поверить. Я позволила ему продолжить, прошептав в его рот едва слышное «да». Его поцелуй стал глубже, отчаяннее. Одним резким, но точным движением бретельки соскользнули, и шёлк платья, так недолго ласкавший кожу, упал к моим ногам. Следом я слышала звук его растёгивающегося ремня. Он освободился от одежды, и в следующее мгновение сильные руки подхватили меня, прижали к прохладной стене.

Его тело пылало жаром. Но в этой ярости прикосновений, в этом вихре была только пустота. Пропась, в которую мы летели, не зная имён.

— Подожди, — вырвалось у меня, когда его губы обжигали шею.

Я упёрлась ладонями в его грудь, создавая дюйм пространства. Не для того, чтобы остановиться. Для того, чтобы узнать.

Он замер, дыхание горячими волнами било мне в лицо. Его темные глаза, почти чёрные от страсти, вглядывались в мои.

— Я хочу знать твоё имя, — сказала я тихо, но чётко.

Это было моё условие.

Мышцы на его челюсти дрогнули. Он откинул голову, сделав глубокий вдох, будто готовясь к прыжку с высоты. Потом взгляд снова вернулся ко мне, и в нём уже было не одно лишь желание.

— Каэль, — прозвучало хрипло, как признание, вырванное силой. Он помедлил, и следующее слово упало между нами тяжело и значимо. — Рахим.

Где-то глубоко, под слоем оцепенения, тело откликалось на его жар животным, предательским трепетом, который только сильнее раскалывал меня изнутри.

Каэль Рахим стал моим первым мужчиной.

Не было той резкой боли, о которой говорят девушки. Но и приятного, того самого, о котором говорят шёпотом, я не почувствовала. Было странно. Его движения были резкими, порывистыми, будто он боролся со мной или с чем-то внутри себя. А потом я почувствовала тепло и липкость крови на внутренней стороне бедра.

И это странным образом успокоило меня. Я почувствовала не боль, а факт. Свершилось. Теперь я не та девочка, что сбежала из дома. В этом был горький, металлический привкус взросления. Но одно было правдой: мне нравилось, как его губы ощущались на моих. Это был мой самый первый, самый настоящий поцелуй. И пока он двигался внутри меня, я цеплялась за это ощущение, как за якорь, за тепло, за влажность, за единственную точку настоящего контакта в этой пугающей пустоте.

Когда всё закончилось, он тяжело дышал, уткнувшись лицом в мою шею. А потом снова поцеловал меня. В этот раз поцелуй был медленным, почти нежным, словно буря утихла. А потом он отстранился.

И его взгляд упал вниз.

Он замер. Буквально окаменел. Он отпрянул, как от огня, и обе руки вцепились в его собственные волосы.

— Чёрт, — выдохнул он. — Чёрт возьми.

— Всё в порядке, — сказала я, садясь на кровать и прикрываясь его сброшенной рубашкой. Мой голос прозвучал удивительно спокойно. Будто речь шла о поцарапанной коленке.

— Всё в порядке? — его голос сорвался на хрип.

Он смотрел на пятно крови, которое осталось на полу, а потом на меня. В его глазах бушевал ураган: вина, гнев, растерянность.

— Почему ты ничего не сказала? Хотя бы... Хотя бы о том, что тебе больно?

Он спрашивал не о крови. Он спрашивал о всём: о резкости, об отчуждении, о молчании, в котором он допустил ошибку. Я посмотрела прямо на него, подбирая слова, которые были бы хоть отчасти правдой.

— Мне не было больно, — сказала я тихо

Солгала. Потому что боль была. Но не та, о которой он думал. А та, которую я выбрала сама и которую теперь несла в себе как тихую, личную тайну.

Я смотрела на тонкие струйки крови, смешивающиеся с потом на простыне.

«Однажды, — подумала я, — я буду смотреть на кровь тех, кого ненавижу. И это будет не моя боль»

Я вспомнила того солдата в Бхарате. Нож в глазу. Трясущиеся руки. Счёт — один.

Глава 6

С той ночи, как я разделила с Каэлем свой первый раз, между нами воцарилось тяжёлое, звонкое молчание. Мы не ссорились, просто перестали находить слова. Шайл и Дин, впрочем, ничего не заметили: их друг и в лучшие дни не был болтуном. А я вполне неплохо держалась.

Несколько дней мы просидели в душной комнате постоялого двора, ломая голову над маршрутом. Денег у ребят, как выяснилось, было куда больше, чем я могла представить. Не богатство, но достаточный запас, чтобы не ютиться в трюме чужеродного судна. Так родился план: купить небольшую посудину, своим ходом добраться до ближайшей союзной державы, а там видно будет. Брат быстро нашёл подходящее судно и сторговался. Дата отплытия была назначена через два дня.

Всё это время я не могла оторвать глаз от того самого платья. Нежно-голубой шёлк теперь оттенялся простым медным кулоном на цепочке — подарком от наёмников. Он идеально лёг в ложбинку между ключиц. В день сделки я надела именно этот наряд, заплетя волосы в тугую, практичную косу. Шайл, вечно чем-то озабоченный, подгонял меня, пока мы не ступили на скрипучие доски пирса.

Наш корабль ждал нас. Вернее, посудина. Старая, обшарпанная, с потёртой краской на бортах, но, как заверял продавец, крепкая. Дикий, обойдя её кругом, хлопнул ладонью по корпусу и коротко бросил:

— Назовём её «Соль».

Дикий принял от капитана штурвал, и уже через час берег начал медленно отодвигаться, превращаясь в тонкую коричневую полоску. Наш курс лежал к независимой державе Суратан. Туда, где нас ждало новое будущее.

К вечеру, когда солнце растеклось по горизонту кроваво-золотым мёдом, я устроилась у борта. Рядом присел Шайл. На корме, у штурвала, стояли Каэль и Дин. Но я смотрела не на них. Не могла наглядеться на брата: ветер трепал его тёмные волосы, в его позе читалась непривычная, гордая ответственность. Краем глаза я всё же ловила и другой силуэт; высокий, собранный, отстранённый. Между нами проскочила искра, яркая и ослепительная, но, кажется, потухла так же быстро, как и вспыхнула, оставив после себя лишь пепел недосказанности и этот тягостный, морской воздух, пахнувший солью, смолой и свободой.

— Помнишь, как отец чинил свою развалюху, которую он называл «Синицей»? — спросил брат.

— Он тогда всё время ворчал, что ты ему не помогаешь, — вспомнила я.

— Ага. Потому что вы с Аннет крутились вокруг него. Вот и ворчал.

— Я тогда просто хотела быть с вами ближе.

Шайл тяжело вздохнул. У меня тоже в груди всё сжалось.

— Прости. Постоянно подвожу тебя. Мы должны жить, — проговорил брат, глядя в небо. — Но как это возможно, когда всё вокруг рушится?

— Мы есть друг у друга, — сказала я.

Эти слова прозвучали неубедительно даже в моих ушах. Простая констатация факта против целого мира хаоса. Шайл повернулся ко мне. В его глазах, обычно таких насмешливых, светилась редкая нежность.

— Я рад, что ты пришла в нашу семью, Ирма. Ты для меня родная.

— Ты моя семья, Шайл. Я люблю тебя.

— Как думаешь, — на секунду он прикрыл глаза, — У нас еще будет дом? Ведь король Стоунгарда все никак не остановится, ему, видимо, нужны все земли, которые вообще существуют.

— Ты же знаешь, брат, ему не нужны земли. Он ищет магические следы.

— Знаю. Но все никак не понимаю, зачем ему магия. Если с ее помощью он хочет завоевать мир, он и так неплохо справляется. Не вижу смысла.

— Я пока тоже не вижу.

На этом слова иссякли. Ветер свистел в снастях всё громче, но сквозь его вой я всё ещё различала низкие голоса Каэля и Дина у штурвала. Боковым зрением я заметила, как взгляд брата мечется от них ко мне и обратно. Он что-то взвешивал.

— Что у вас с Диким?

Вопрос ударил, как пощёчина. Я вздрогнула, будто меня поймали на лжи. Горло пересохло, и я сглотнула с таким усилием, словно передо мной стоял вовсе не брат, а отец.

— Он подарил мне платье, — выпалила я первое, что пришло в голову.

Его взгляд стал твёрже, проницательнее.

— Я вижу, что между вами что-то было, Ирма. Я всё замечаю. Вы спали?

Вопрос повис в воздухе — острый и неумолимый. Я снова сглотнула, чувствуя, как жар стучит в висках. Минуту длилось мучительное молчание, пока я боролась сама с собой. И проиграла.

— Да, — прошептала я.

Этого было достаточно. Лицо Шайла исказилось чем-то диким и первобытным... яростью преданного защитника. Он сорвался с места. Я вскрикнула, но было поздно. Брат был уже рядом с Каэлем.

— Ты урод! — рык Шайла заглушил ветер.

Раздался звук глухого удара и два тела рухнули на палубу. Каэль, застигнутый врасплох, не успел принять стойку. Шайл, вцепившись в него, занёс кулак для второго удара.

— Шайл, нет! — закричала я, бросаясь к ним.

Дин пытался оттащить брата, хватая его за плечи.

— Только подойди к ней ещё раз, усек? — ревел Шайл. — Ты к ней даже близко не подойдёшь больше!

Их драка была короткой. Каэль одним мощным движением скинул с себя Шайла и, прежде чем тот успел подняться, нанёс чёткий удар в челюсть. Раздался неприятный, костяной щелчок. Брат осел на палубу, больше от шока, чем от боли. В воздухе повисла тяжелая, давящая тишина, нарушаемая только свистом ветра и тяжёлым дыханием мужчин.

— Ты в порядке? — тихо спросила я у брата и получила в ответ быстрый кивок.

Через несколько минут всё стихло. Дин, побледневший, помог Шайлу подняться и, поддерживая его под локоть, повёл в каюту.

Каэль остался у штурвала. Он стоял ко мне спиной, его плечи были напряжены под тонкой тканью рубашки, а сильные руки с белыми костяшками на сжатых кулаках впились в дерево руля. Закат пылал позади него. Ветер яростно трепал чёрные косы, но сам он не двигался. Казалось, он целиком ушёл в себя. В какую-то внутреннюю борьбу, исход которой был ему самому не ясен.

Он избегал моих глаз, но я ловила на себе его быстрый, острый взгляд, полный немого вопроса и такого же немого упрека самому себе.

Я смотрела на него, затаив дыхание, ожидая. Но чего я ждала? Слова? Взгляда? Чтобы извинился за ту ночь? Я хотела какого-то знака, что мост между нами ещё не рухнул окончательно. Но он не обернулся. Не сделал ни единого движения в мою сторону.

Солнце полностью утонуло в море, сменившись холодным сиянием звёзд и тонким серпом луны. Наконец Дикий пошевелился. Не обернувшись, он глухо бросил мне:

— Иди спать.

Голос был хриплым, усталым.

— А ты? — сорвалось у меня.

— Кто-то должен вести корабль... И караулить, — добавил он так тихо, что слова едва долетели.

Я молчала. Вдруг он, всё ещё глядя в темноту, спросил:

— Шайл часто тебя подводил?

Вопрос был неожиданным.

— Он пытался, — ответила я честно, вспоминая детство. — Всегда пытался быть тем, кем должен.

Каэль медленно кивнул, как будто что-то подтверждая для себя.

— Я знаю этот вид, — сказал он. — Вид человека, который боится не за себя, а за другого. Это делает его опасным. И глупым.

В его словах была только усталая констатация факта, будто он и сам когда-то прошёл через это.

— Он извинится, — пробормотала я, больше надеясь, чем веря.

— Не надо, — резко оборвал Каэль. Он наконец-то повернул голову. — Извинения ничего не меняют. Меняют только поступки. Скажи ему, чтобы в следующий раз бил точнее или вовсе не лез.

Он снова отвернулся к морю, поставив точку в разговоре. Но в этой короткой беседе что-то сдвинулось. Гнев уступил место тяжёлому, общему пониманию: мы все здесь раненые звери, и наши личные драмы ничтожны перед лицом бескрайнего, равнодушного моря.

Я уже собиралась уходить, когда его голос остановил меня, на этот раз совсем тихий:

— Платье на тебе сидело хорошо.

И прежде чем я успела что-то ответить, он сделал шаг вперёд, в полосу лунного света, и замер, вглядываясь в горизонт. Его поза изменилась, стала собранной, как у охотничьей собаки, уловившей неясный запах дичи.

— Что там? — спросила я.

Он не ответил. Просто долго и пристально смотрел в одну точку во тьме, где сливались воедино море и ночное небо.

— Каэль, — вдруг решила я. — Между нами всё кончено?

Я уже знала ответ, просто хотела получить от него хоть какое-то объяснение.

— Да, — сухо ответил он. — Всё так. Но дело не в тебе.

— И в чём же дело?

— Во мне. Я не могу быть с тобой, когда все мои мысли занимает другая женщина.

Я не знала, о ком он говорил. Но обиды во мне не было, даже стало легче от этого факта. Всё кончилось, не успев начаться.

«Соль» уже пятый день резала серые волны, унося нас прочь от старой жизни. Мы почти перестали разговаривать: общались лишь кивками и короткими фразами. Напряжение витало в воздухе.

И вот на пятые сутки, когда утренний туман начал рассеиваться, на самом краю горизонта показался силуэт. Сперва я увидела маленькое пятно, но оно росло с пугающей скоростью. Большой, трехмачтовый корабль. Его высокие борта и сложный рангоут говорили о скорости и, возможно, о силе. Он шёл точным курсом, и между нами, в бескрайней пустоте моря, не оставалось сомнений: его курс пересекался с нашим.

— Галеон, — сказал Дин. — Вроде торговый? Повезло, может, вина дадут.

Я поднялась, заслоняя глаза от солнца. Корабль быстро приближался.

— Подними белый флаг, Дин, — скомандовал вышедший из каюты Дикий.

Наша посуда дрейфовала, когда через полчаса галеон почти поравнялся с нами. Ветер усилился, море забурлило. И тут над фок-мачтой галеона поднялся флаг в ответ — чёрный, с белой медвежьей мордой.

— Нет! — закричала я. — Это Стоунгард!

Герб на флаге принадлежал Стоунгарду — столице Каменных Земель. На борту вражеского корабля блеснули луки. Матросов сменили люди в кольчугах, которые уже заряжали стрелы. Дин бросился к мачте, Дикий сменил брата, который подбежал ко мне. Мы развернулись, чтобы броситься в бегство, но галеон шёл прямо на нас, ударил в бочину нашей посуды и протаранил практически половину. Шайл едва удержал меня, когда нас отбросило от удара.

Я могла только смотреть, как Каменные солдаты настигают нас. Пятеро прыгнули к нам на борт с мечами. К нам подлетел Каэль, схватил меня за плечо:

— Быстро в трюм!

Я бросила взгляд на брата. Он согласно кивнул. Дикий помог мне открыть люк, и я спрыгнула вниз. Отсиживаться я не собиралась, хотела найти оружие и выбраться обратно, помочь. Я рыскала по ящикам в поисках чего угодно, что могло помочь отбиться. Нашла столовый нож, взялась за остриё зубами, руками обхватила боковины люка и кое-как вылезла наружу, где уже началась бойня.

Практически сразу на меня бросился каменный. Я чудом отстранилась от его удара. Он делал выпад за выпадом и в итоге зацепил меня — лезвие его меча рассекло мне плечо. Эта боль придавала мне решимости. Я взяла свой нож крепче в руку и начала ответное наступление. У меня не было шансов в ближнем бою, мне нужно было отвести его как можно дальше от борта. Я делала шаг за шагом, размахивая перед собой ножом, а затем, когда достигла нужного расстояния, развернулась. Добежала до борта за несколько секунд, воспользовавшись его непониманием, и метнула нож.

В этот раз я не подвела Билла. Я попала в глаз каменному уроду. Тот с визгом рухнул вниз.

Я пыталась оценить ситуацию вокруг: двое врагов окружили брата у фок-мачты, Дикий отбивался от троих мечом, а в руках у Дина было всего лишь весло, и он пытался сдерживать наступление с галеона. Я вернулась к тому, кого только что ранила, толкнула его ногой. Он кричал и даже не соображал, что происходит. Я рывком выдернула меч из ослабевших пальцев и ринулась к Дину.

— Дин, я иду!

Я была уже почти у цели. Но мир взорвался в огне и свисте. Рядом с головой прожужжало что-то раскалённое, и в деревянную стену каюты с глухим звуком вонзилась стрела с тлеющим наконечником. Запах гари и смолы ударил в ноздри. Я в ужасе подняла глаза на палубу галеона. Раздался нестройный хлопок тетив и в следующее мгновение небо над нами заполонил дождь из огненных стрел.

Инстинкт швырнул меня на грязные доски палубы. Свист, вой, треск ломаемого дерева, крики... всё смешалось в оглушительный адский хор. Я подняла голову. Мир стал красным и черным. Мы горели. Языки пламени лизали мачту, перебежали по канатам, пожирая нашу посудину заживо.

Сквозь дым я увидела Дина. Он, отчаянно отбиваясь, отступал. Его весло выписывало в воздухе дуги, но противников было слишком много. Кто-то из каменных мощным толчком отшвырнул его. Он на миг потерял равновесие. Из дыма вышел второй солдат. Длинный клинок блеснул и плавно вошёл в тело Брауна.

Дин не закричал. Он просто обмяк. Весло с тихим стуком упало на палубу. Дин упал с веслом в руке. Он так и не научился обращаться с холодным оружием.

Что-то заставило меня перевести взгляд влево.

И я увидела Каэля. Он стоял на коленях посреди хаоса, как последний оплот. Его могучая спина, в которую я недавно вглядывалась, теперь была утыкана черными древками, будто гребень какого-то чудовищного ежа. Он смотрел на меня. Изо рта по подбородку стекала тем-

ная струйка, но глаза смотрели с такой ясной, пронзительной силой, что я застыла. Я прочла по губам то единственное слово, которое перечеркнуло всё:

«Беги».

И тогда он рухнул вперед. Мой собственный крик разорвал мне горло изнутри.

— Встать! Вставай же, беспомощная дура!

Я попыталась отползти, схватить валявшийся рядом меч, но плечо вспыхнуло ослепительной, пожирающей болью. Я глянула на него — тряпка рубахи была пропитана тёмным, почти чёрным пятном, а по краям раны уже расплзалась мерзкая, густая слизь цвета болотной тины. Их проклятые клинки были отравлены!

Мой взгляд метался между чёрными фигурами, которые уже заполнили корабль. Именно в этот миг, когда нужно было встать, бороться, мстить или просто умереть рядом с близкими, моё тело предало меня. Тёмно-зелёная волна подкатилась к вискам, мир поплыл, звуки стали приглушенными, как из-под толстой воды. Последнее, что я увидела перед тем, как тьма начала поглощать всё — это искаженное яростью лицо одного из каменных, наклонившегося надо мной.

— Ирма, беги! — услышала я голос.

Передо мной появился брат, но я почти ничего не видела. Зато слышала как солдат рядом со мной рухнул. Зато чувствовала, как Шетти тащит меня, слышала, как он кричит, как стрелы пронзают его тело. Но Шайл продолжал тащить меня. А потом я полностью потеряла зрение и даже не смогла посмотреть ему в глаза.

— Живи, сестра. Ради всех нас.

Шайл меня отпустил. Я уже была где-то в невесомости. Всего секунду летела вниз, а потом меня поглотила вода. От неожиданности я сделала вдох, и мои лёгкие наполнились. Внутри всё горело, я дёргалась, пыталась выплыть. Но яд заставил меня отключиться.

Глава 7

Холод обрушился на меня как точный, беспощадный удар, прямо в грудь. Воздух, которого я так жаждала, не принёс облегчения. Он застрял комом в горле, и тело выгнулось в немом крике, выталкивая из легких солёную хлябь судорожными, рваными спазмами. Мир кувыркался, отказываясь встать на место. Сквозь шум в ушах пробился голос:

— Дыши медленно.

Кашель выкручивал меня, выжимая последние силы. На губах был едкий вкус соли, смешанный с чем-то тёплым и металлическим. Я коснулась губ дрожащими пальцами и сквозь мутную пелену различила на коже смазанный, темный отпечаток крови. Слух и зрение возвращались обрывками.

Картина, сложившаяся передо мной, казалась чужой и нереальной: двое мужчин, склонившиеся надо мной, а за их спинами стояли ещё с десятков фигур, застывших в молчаливом наблюдении. Инстинкт мгновенно натянул струны внутри, заставил искать в их лицах угрозу. Очнувшись я на палубе, но всё вокруг кричало, что это не «Соль». Доски подо мной были иными, и запах чужим. Мой взгляд, цепляясь за детали, медленно пополз вверх, к мачте, где полоскался на ветру флаг. Белое полотнище, а на нём горела рыжая лисья морда. Враги? Я была в пасти у врагов? Не могла вспомнить этот герб.

Я сейчас вообще ничего не могла.

— Ты в порядке?

Молодой мужчина протянул руку прямо к месту на моём плече, где должна была зиять рана. Я дёрнулась, спасаясь от прикосновения, и лишь тогда осознала, что боль ушла. Кожа под порванной тканью была целой, лишь чуть горячей на ощупь. Ни крови, ни зелени яда. Исцеление, столь быстрое и полное, испугало меня.

Я рванулась к борту, впиваясь пальцами в дерево. И застыла. Вдали, окутанная дымом и багровым отблеском пожара на воде, медленно погружалась громада галеона. А рядом, словно надгробный памятник, из волн торчал обугленный скелет нашей мачты.

— Нет! — это даже не было словом. Стон, вырвавшийся из самого нутра.

На краю палубы болтался шкотовый трос. Я подбежала и вцепилась в него. Пальцы впились в пеньку так, что побелели суставы. Канат дрогнул и натянулся. До воды было рукой подать. Один прыжок и я там.

— Отпусти.

Голос прозвучал у меня за спиной. Я вжалась в канат, сжала его ещё сильнее, пытаюсь сродниться с этой верёвкой. Но сильные руки обхватили меня за талию с неумолимой, абсолютной силой. Моё тело, всё ещё слабое, отозвалось вспышкой протестующей боли. Пальцы разжались, соскользнув по шершавой пеньке, на ладонях остались жгучие полосы. Меня оторвали от борта.

— Что ты творишь? — вопрос мужчины повис в воздухе. В нём слышались не только недоумение, но и усталая досада, будто он спас меня от падения в пропасть, в которую я так отчаянно рвалась. Я дёрнулась и развернулась к нему.

Рыжие волосы, потемневшие от воды, прилипли к вискам. Белая рубашка с золотой вышивкой по вороту тоже была мокрая. На груди вышита та же эмблема, что и на флаге. Я напряглась. Мне было совершенно плевать, кто передо мной, даже если это он вытащил меня из воды.

Рядом стоял второй мужчина — выше и шире в плечах, с золотистыми волосами. На нём, как влитая, сидела капитанская форма, но не такая, как у каменных или у других солдат, которых я видела ранее. Кожаная кираса поверх белой рубашки, перехваченная ремнями с золо-

тыми пряжками, на груди блестел орден. На боку висел меч, и даже в полумраке я различила гравировку на рукояти: «Уэльс».

Оба мужчины молчали, наблюдая, не брошусь ли я снова в воду.

— Там мой корабль, — прокричала я, и голос сорвался на хрип.

Рыжий сделал короткий, осторожный шаг, выставив перед собой открытые ладони. Мой взгляд скользнул к рукояти меча у его пояса. Рассчитать рывок, выхватить... Но тело не было готово к скорости. А зачем мне это? Убить свою единственную ниточку к спасению? Логика прорезала пелену горя.

— Знаю, — его голос был спокойным. — Мы вытащили тебя из воды и сожгли этот чёртов галеон... но твоим помочь уже не успели.

Его слова сняли последнюю, тонкую плёнку, что держала меня в вертикальном мире. Ноги подкосились, и я рухнула на мокрые доски. Воздух наконец вырвался наружу долгим, раздирающим горло воем.

Билл. Аннет. И теперь Шайл. Каэль. Дин.

Я вжала ладони в лицо, пытаюсь спрятаться от реальности. Я не видела, как кто-то подошёл, лишь почувствовала, как он опустился передо мной на корточки. Его тень перекрыла слепящий свет от пожара. Затем последовало осторожное прикосновение, но не к коже, а к цепочке на шее. Его пальцы аккуратно подцепили цепочку и вытянули из-под ткани медальон.

— Ты же Дженна Фаски? — прозвучал его вопрос.

Слёзы текли по щекам, и сквозь эту мутную пелену я вгляделась в лицо мужчины. Раскосые карие глаза изучали меня с невероятным любопытством. Мужчина слегка улыбнулся, приподнял широкие брови, ожидая. У меня во рту пересохло. Голос потерялся где-то глубоко внутри, рядом с тем холодным комом горя. Я закрыла глаза, пытаюсь загнать обратно нахлынувшую путаницу. Дженна Фаски?

Я сжала кулон в кулаке. Металл впился в ладонь.

Дженна Фаски мертва. Но её имя это ключ. И я поверну его в замке, даже если он прожжёт мне пальцы.

Я могла сказать правду. И меня выбросят за борт. Или продадут Каменным. Или просто оставят умирать.

Или я могла взять это имя. Украсть его.

И лишь через мгновение, когда в памяти всплыл образ наёмника, сунувшего мне в ладонь холодный металл, пазл сошелся. Я открыла глаза и кивнула.

— Я Дженна, — выдавила я. — Фаски.

Взгляд рыжего стал пристальным, оценивающим. Он отпустил медальон, и тот упал мне на грудь, холодной тяжестью лёг на сердце.

— Добро пожаловать на борт «Солнца короны», леди Дженна, — сказал он. В голосе появились нотки решительности, заглушающие усталость. — Похоже, нам есть о чём поговорить. Я — Честер Кингсли, принц Мирзаата. Это я послал вам этот медальон.

Его голос звучал ровно, с лёгкой, почти ироничной теплотой, как будто он представлялся на светском рауте, а не стоял на палубе военного корабля. Кингсли выпрямился, его глаза изучали меня с безошибочной уверенностью человека, который нашёл потерянную драгоценность.

— В своих письмах вы писали, что выйдете за меня, только если мой подарок покорит ваше сердце, — он кивнул на медальон. — Вижу, понравилось.

Его слова повисли в воздухе — абсурдные и оглушительные. «Письма». «Подарок». «Выйдете за меня». Каждая фраза была ключом от двери в чужую, вымышленную жизнь, в которой не было ни огня, ни крови родных на моих руках.

Мирзаат.

Это слово было не пустым звуком. Когда я была совсем маленькой, Билл брал нас с Аннет на колени в дни, когда готовился к плаванию. Мы разглядывали потрёпанные карты, и его грубый палец водил по линиям, рассказывая истории.

— Вот здесь, на юго-востоке, зажатый между Кибелевым и Белым морями, лежит Мирзаат. Не просто город, а столица огромных Новых Земель. Там, девочки мои, — говорил Билл, и в его голосе звучала несвойственная ему мечтательность, — земля пахнет не рыбой и смолой, как у нас, а цветами... даже зимой. Солнце ласковое, золотое, не обжигает. Они там не воюют, у них хватает ума торговать: шёлком, от которого голова кружится, специями, что жгут язык, фруктами, слаще которых ничего на свете нет.

Эта яркая картина вспыхнула в памяти резким контрастом с тем, что меня окружало сейчас. И этот человек, этот принц из сладкой сказки, смотрел на меня, ожидая, что я сыграю роль невесты, которой никогда не была.

В тот миг, стоя на палубе под взглядом принца и его людей, я ощутила физически, как хрустнула тонкая скорлупа внутри. Прежняя Ирма исчезла. Её смыло теми же волнами, что поглотили её друзей и брата. Ничего не осталось, чтобы сдерживать ту бурю, что поднималась из самой глубины.

Ненависть не пришла — она проснулась. Просочилась сквозь трещины в душе, как чёрная, густая смола, заполняя каждую пустоту, оставленную потерей. Она текла по жилам ледящим холодом, выжигая на своём пути всё тёплое, наивное и уязвимое. Мне даже показалось, будто я чувствую, как внутри гаснет свет. Гасли последние искры надежды, поглощаемые этой непроглядной тьмой.

Каменный король, мой гнев это твой дар. Ты убил во мне всё светлое и живое.

Я открыла глаза. Мир не изменился, но моё видение его однозначно да. Всё обрело чёткие, жёсткие границы. И в центре этого нового мира стоял Честер Кингсли, нечаянно бросивший мне спасательный канат в виде чужого имени.

Я сделала едва заметный, почти рефлекторный поклон головы. Голос, прозвучавший из моих губ, был чужим, почтительным и пустым.

— Простите, мой принц. Я вас не узнала. Шок и горе затмили мой разум

Тёмная волна отхлынула, оставив после себя не пустоту, а нечто плотное и тяжёлое. Это чувство осело внутри, как едкая смола в лёгких старого курильщика, становясь частью каждого вдоха.

Я выпрямилась и сделала шаг вперёд, чтобы следовать за принцем и капитаном. Шла, глядя в спину Честеру, стараясь не замечать любопытных, оценивающих взглядов матросов.

— А кто был на том корабле с вами? — спросил Кингсли, не оборачиваясь.

Тон его голоса был таким непринуждённым, будто он спрашивал о погоде. Вопрос ударил в самое подреберье, где пряталась невыплаканная боль.

— Никто, — процедила я.

— Я слышал, вы долгое время провели в Нан-Дели, — встрял капитан.

Его пронзительный взгляд скользнул по моему профилю, выискивая трещины в истории. Он проверяет. Значит, у них есть хоть какая-то информация. Я молчала, ведь каждое слово сейчас было опасным. Я не хотела говорить, не хотела выдумывать на ходу и плести паутину, в которой сама же запутаюсь. Всё, чего мне хотелось в этот миг, это много лет тишины и одиночества, чтобы выплакать всё до дна. А потом найти способ добраться до Каменного Короля и перерезать ему глотку его же собственным отравленным кинжалом.

— Ксавьер Уэльс, — представил Честер, слегка кивнув в сторону мужчины. — Мой доверенный человек и капитан королевской гвардии.

Я встретила взгляд капитана Уэльса. В его глазах не было доверия, а лишь холодная, аналитическая оценка, как у инженера, рассматривающего ненадёжный механизм.

— Вы правы, капитан Уэльс, — сказала я, заставляя себя вспомнить обрывки историй, услышанных от наёмников. — Я собирала людей. Хотела отомстить за брата. Но когда я прибыла в Бхарат, там уже начиналось наступление.

Пусть думают, что мой брат это сын лорда Фаски, а не Шайл. Пусть думают, что моя ненависть к Каменному Королю это дело чести, личная кровная месть.

Капитан слегка прищурился.

— Не знаю, как вам удалось выжить, леди Дженна, — в его тоне звучало плохо скрываемое подозрение. — Видимо, Бог на вашей стороне. Или вам просто невероятно везёт.

Он отступил в сторону, указывая на узкую, неприметную дверь в стене надстройки.

— Что ж, ваша каюта.

Дверь была приоткрыта, за ней виднелись теснота и полумрак. Я переступила порог. За мной мягко щёлкнул замок.

Каюта оказалась подозрительно просторной для корабля. Даже для такого, как «Солнце короны». Она вмещала огромную кровать и отдельную комнату с деревянной дверью. Стоило окликнуть мальчишку-юнга, и тот принёс мне несколько вёдер горячей воды, наполнил купель. Я опустилась в неё. Вода обожгла кожу.

Мне хотелось гореть, потому что Шайл был мёртв. Как и все, кого я когда-то любила.

Я сидела в воде, пока она не остыла совсем. Слезы смешивались с водой. Я дала себе десять минут.

Десять минут, чтобы оплакать брата.

А потом Ирма Соррети умрёт. А леди Дженна начнёт своё восхождение из пепла.

Глава 8

Вода быстро остыла, но я не могла пошевелиться. Лишь слёзы беззвучно лились по щекам, растворяясь в остывающей воде.

Мой план был прост: выжать из этого принца все тайны, все слабые места, любые сведения о враге. Стать его незаменимым советником и союзницей. А когда никто не будет ожидать, я смогу нанести удар. Не рыжему принцу, а через него.

Если бы я не допустила, чтобы каменный солдат меня ранил, всё было бы иначе...

Мысли, ядовитые и липкие, пытались заползти в сознание.

Шайл был бы жив. Каэль и Дин были бы живы... они не стали бы рыбьим кормом.

Но я отрезала эти мысли, как гнилую ткань. Ощущение «если бы» — это топливо для слабых. Оно ничего не меняет. Оно лишь разъедает изнутри, а мне нужна была вся моя ярость.

Но всего один день назад брат был жив. Я только-только обрела его и снова потеряла. Теперь навсегда.

Жизнь не просто жестока. Она кузнец. Она испытывает тебя на прочность, отнимая тех, кем ты дорожил, чтобы выковать из тебя либо щит, либо меч. Я никогда не задумывалась, что жизнь брата оборвётся так рано. В моих снах я видела Шайла, его возможную жену, а рядом бегали их дети, называя меня тётёй. Это были сны, после которых просыпаешься с улыбкой. Теперь же я молилась лишь об одном: чтобы то, что происходило сейчас, оказалось самым страшным сном.

Шайл был последним. Значит, мне больше нечего терять.

Я вылезла из воды, закуталась в простыню. Подошла к зеркалу. Посмотрела в глаза своему отражению.

— Я найду Каменного Короля, — сказала я тихо. — И убью его. Не ради чести. Не ради справедливости. Ради того, чтобы он почувствовал то же, что и я. Пусть сдохнет, зная, что его сыновья тоже умрут. Его жена. Его собаки. Всё, что он любит.

Я помолчала.

— А потом я умру. Или нет. Мне всё равно.

Я проснулась от резкого, скрежещущего звука — на лебёдке поднимали якорь.

Оказалось, я уснула, сидя в купели. Теперь ледяная вода колыхалась вокруг меня в такт движению корабля. Потянувшись к маленькому, затуманенному зеркалу, я увидела в нём незнакомку. В последние месяцы у меня не было ни времени, ни желания разглядывать себя. И теперь отражение ударило, как пощёчина.

Из зеркала смотрела тень.

Живой скелет, обтянутый бледной кожей: острые скулы, выпирающие ключицы, впадины под глазами, в которых горели два уголька. Глаза казались чужими. А на плече, там, где должна была зиять рана, красовался лишь бледный, едва заметный шрам, словно кто-то стёр память о боли. Такое странное исцеление. Видимо, очень дорогое. Зачем? Чтобы я была презентабельна? Чтобы принц получил свою «невесту» в целости и сохранности? Это исцеление было знаком того, что я уже стала частью игры.

Я обхватила голову руками, уткнулась лицом в колени. Воздух с трудом пробивался сквозь ком в горле.

— Взять себя в руки. Теперь ты должна.

Я больше не могла позволять себе выглядеть как жертва. Хотя бы на людях я должна была выглядеть как благородная, пострадавшая, но не сломленная Дженна. Даже если внутри была лишь пустота, холод и планы мести.

Я вышла из остывшей воды. На стуле лежала чистая, простая одежда. Я надела её. Ткань была мягкой, дорогой и от этого становилось ещё противнее. Каждый стежок напоминал о долге, который я теперь должна была отыграть. Подойдя к двери, я прислушалась. За дверью был лишь скрип дерева да шаги матросов на палубе.

Ровно через час в дверь постучали. Три отрывистых, чётких удара, не оставляющих сомнений, что это приказ.

— Его Величество принц желает вас видеть, — донёсся голос Ксавьера Уэльса из-за двери.

Когда я открыла, капитан предстал передо мной в ином свете. Вежливость, мелькнувшая на палубе, испарилась, сменившись деловой, почти военной строгостью. Сжатая челюсть и хмурые, внимательные брови делали его лицо непроницаемым и холодным.

Я сделала шаг назад, легким жестом обведя рукой свою простую, влажную после купания сорочку и, вероятно, всё ещё дикий вид.

— Разве я могу предстать перед принцем в таком виде, капитан? — спросила я, намеренно выдержав в голосе лёгкий укор, который, как я надеялась, был в духе Дженны. Пусть думает, что я забочусь о светских условностях.

Уэльс на мгновение замер, будто пересчитывая в уме потерянное время, затем резко кивнул.

— Простите. Ария!

На пороге, словно возникая из воздуха, появилась девушка лет семнадцати, не больше. На ней было простое, но чистое платье вишнёвого цвета с высоким белым воротником. Её взгляд был опущен, поза покорной, в движениях сквозила собранность

— Одень леди Дженну, как полагается. И побыстрее, прошу.

Ария оказалась виртуозом. Её пальцы были быстрыми и уверенными, без лишней суеты, будто она облачала в доспехи, а не в платье. Через несколько минут на мне был надет корсет, чётко очерчивающий силуэт. Служанка ловко собрала мои спутанные волосы, оставив несколько мягких прядей обрамлять лицо, а остальные убрала в элегантный, но простой узел. Девушка не сказала ни слова, кроме необходимых «поднимите руки» или «повернитесь».

А потом она подняла глаза и посмотрела на меня. Не робко. Внимательно. Так смотрят, когда оценивают: опасна или нет.

— Вы не похожи на портрет, госпожа, — сказала она тихо.

У меня внутри всё оборвалось.

— Какой портрет?

— У принца есть ваш миниатюрный портрет. Вы там... более упитанная. И волосы темнее.

Я заставила себя улыбнуться, хотя внутри похолодело

— Война, Ария. Голод. Бегство. Всё это меняет человека.

Она помолчала. Потом кивнула и опустила глаза. Но я запомнила этот взгляд. Она проверяла меня.

— Готово, госпожа, — тихо сообщила она, отступая на шаг и оценивая свою работу.

Я посмотрела в зеркало. Отражение всё ещё было худым, но теперь это была не жалкая худоба, а строгость, почти аристократическая худоба. Лицо обрело форму, взгляд подчёркнут прядями волос. Маска была готова. Но глаза... глаза выдавали всё. Они были красными, опухшими от слёз, которые я выплакала в тишине купели. Пусть видят. Пусть думают, что это слёзы по Атраку.

— Спасибо тебе, Ария, — сказала я искренне, улавливая в её взгляде на мгновение что-то похожее на удивление.

В её умелых руках был первый урок того, как должна выглядеть моя новая маска. Теперь предстояло научиться носить её.

Путь на верхнюю палубу превратился в унижительное испытание. Тяжёлый шёлк платья шуршал и цеплялся за каждую неровность ступеней. Мне приходилось высоко поднимать подол, волоча его за собой, как каторжную цепь. Каждый шаг отзывался напряжением в ещё не окрепших ногах. Я ненавидела эту вычурную тряпку, этот корсет, сжимавший рёбра, этот нелепый театр.

А этот рыжий щёголь ещё и осмелился вызвать меня, словно дворовую собачку, свистнув через своего капитана!

Гнев, острый и ясный, на миг прогнал оцепенение. Он был спасительной соломинкой, за которую можно было ухватиться. Ненависть к принцу, к его удобному миру, к его глупой уверенности — это хоть что-то реальное в этом кошмаре. Это то, что могло заставить меня подняться по этой чёртовой лестнице и посмотреть ему в лицо, не развалившись на части.

Закат заливал палубу густым, медовым светом, превращая морскую гладь в расплавленную медь. Я поймала на себе несколько быстрых, оценивающих взглядов. В ответ я выпрямила спину, подняла подбородок, заставив тяжёлое платье стать моими доспехами, а не обузой.

Капитан Уэльс провёл меня к полубаку. В незнакомце я безошибочно узнала адмирала: чёрная треуголка с золотой звездой, строгая шинель, на которой светились ордена. Широкие плечи, морщины на взрослом лице и аккуратно стриженная русая борода. Рядом с ним стоял Честер. На нём был нарядный красный мундир, но он сидел на нём с неловкостью. Рыжие волосы, аккуратно заложенные за уши, лицо в веснушках... На фоне сурового адмирала он казался не принцем, а переодетым пажом.

Ксавьер поднялся на пару ступеней и подал мне руку, чтобы помочь взойти. Его жест был безусловно вежливым, но в прикосновении не было ни капли тепла.

— Ваше величество, — кивнул он принцу.

— Леди Дженна. Дочь лорда Хэлта Фаски из Атрака, — представил меня Честер, будто демонстрируя редкий трофей.

У адмирала в глазах вспыхнул мгновенный интерес. Он сделал полшага вперёд.

— Леди Дженна. Рад вас видеть на борту «Солнца Короны». Капитан Уэльс доложил о вашей ситуации. Приношу соболезнования. Теперь вы под защитой короны Мирзаата. Надеюсь, не пострадали?

Я заставила губы дрогнуть в подобии благодарной улыбки.

— Не знаю, как мне удалось уцелеть, — мой голос прозвучал тихо. — Я бежала вместе с другими женщинами из города. Мы провели много дней в страхе и голоде.

Внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел. Каждое слово было иглой, которую я вонзала в саму себя.

— Атрак уже несколько месяцев в осаде, — сказал адмирал, и его взгляд стал острым. — Скажите, леди Дженна, кто сейчас командует обороной? Ваш отец был храбрым воином. Он ещё держится?

Я замерла. Я не знала, жив ли он. Я ничего не знала.

— Отец... — я сглотнула, чувствуя, как пересохло в горле. — Он был ранен в первые дни. Я не видела его перед отъездом. Мне сказали... — я опустила глаза, — что он жив. Но я не уверена.

Адмирал нахмурился.

— Жив? И вы оставили его?

Я подняла голову. Слезы выступили на глазах

— Меня вывезли силой. Мои люди сказали, что я должна выжить, чтобы... — голос дрогнул. — Чтобы продолжить дело. Я не хотела уезжать. Я хотела умереть рядом с ним.

Это была правда. Только не про лорда Фаски. Про Билла.

Адмирал помолчал. Его лицо смягчилось.

— Простите, леди Дженна. Я не хотел беречь рану.

— Всё в порядке, — сказала я тихо. — Вы не знали.

Но в его глазах осталось что-то — недоверие или сомнение. Я не могла разобрать. Он запомнил, что я уклонилась.

— Когда мы прибудем в Мирзаат, я отправлю ворона в Атрак, — вмешался Честер. — Мы узнаем о вашем отце.

У меня внутри всё оборвалось

— Не надо, — сказала я слишком быстро.

Честер удивлённо поднял брови.

— Я... — я запнулась. — Я боюсь узнать. Боюсь, что он... что я осталась совсем одна. Пожалуйста. Дайте мне время.

Честер кивнул, и в его глазах засветилось сочувствие. Адмирал же смотрел на меня с холодным любопытством. Он ничего не сказал, но я чувствовала: он запомнил, что я уклонилась от прямого ответа.

— Тогда может просто отправим пригласительные? Ваши люди смогут гостить в моём замке, сколько пожелают!

Идиот. Добродушный, опасный идиот. Он хочет написать письмо в город, в котором уже наверняка знают, что Дженна мертва.

Я медленно покачала головой, позволяя в голосе проступить настоящей, неподдельной горечи. Благо, её было с избытком.

— Мой принц из Атрака сейчас не выйти никому, — я сделала паузу, встретившись взглядом с адмиралом. — Каменный Король ведёт двойную игру. Только Бог знает, как ему удаётся сражаться на разных концах света одновременно. — Я старалась думать о самых ужасных моментах жизни, чтобы вызвать слёзы. — Как же я скучаю по дому!

Адмирал хмуро кивнул, его лицо озарилось пониманием, куда более глубоким, чем у принца.

— Он давно продал душу дьяволу, — прорычал он низким, похожим на скрежет камня голосом. — Мои соболезнования, леди Дженна. Стало быть, ваши люди... — Он не договорил, но взгляд сказал всё за него: вероятно, уже мертвы.

И в этот момент, под этим взглядом, мне пришлось сделать самое трудное: опустить глаза, изображая скорбь по людям, которых я никогда не знала, в то время как горе по настоящим близким рвалось наружу диким, немым криком. Я легонько кивнула.

Интрига запущена. Они верят в осаду. Они видят мою ненависть к Каменному Королю. Первый шаг сделан.

Вечером я вышла на палубу проветриться. За ящиками с канатами замерла, услышав голоса.

— Княжество Золотых песков перешло на его сторону, — это адмирал. — Теперь у него порты на юге. Если мы не ударим первыми — он перекроет пролив.

— Отец не позволит нам начать войну до сбора урожая, — голос Честера был напряжённым. — Люди не простят голода.

— Тогда мы потеряем союзников. Ваш брат Гарольд настаивает на немедленных действиях.

— Гарольд всегда настаивает, — голос принца стал резким. — Ему не сидеть в осаде. Ему не терять людей.

Я замерла. Каменный Король переманивает на свою сторону княжества. У Мирзаата нет времени. И у меня нет времени.

Я тихо отошла от ящиков, сделав вид, что просто гуляла.

Глава 9

Принц, казалось, не заметил этой мрачной подоплёки. Он отпустил адмирала, а сам сделал шаг в мою сторону, его лицо озарила ободряющая улыбка.

— Я представлю вас моим гостям, вы не против? С утра о вас столько молвы, голоса не стихают. Все давно ждали, что мы с вами предстанем вдвоём.

Гости? На военном корабле? Он превращает трагедию в светский раут.

— Конечно, — я выдавила улыбку, чувствуя, как она ложится на лицо ледяной маской. — Покажемся им.

Честер ввёл меня в свой мир с обезоруживающей, почти наивной простотой. Он представлял меня друзьям короны: капитанам, советникам, герцогам и знатным дамам. Вёл легкомысленные светские беседы о погоде, винах и придворных сплетнях Мирзаата. А я стояла рядом, улыбаясь напряжёнными губами, чувствуя, как внутри рассыпаюсь на тысячи осколков, каждый из которых был обломком памяти.

Этот принц почему-то решил осыпать меня подарками: Ария стала моей личной служанкой, каюта наполнилась сундуками, из которых на меня давили шёлк, бархат и холодный блеск драгоценностей. Каждая его такая забота была кирпичиком в стене, отделяющей меня от моей настоящей жизни.

Несколько дней я не вставала с постели. Горе обрушилось полной, тяжёлой волной, сметая все попытки мыслить и действовать.

Ария тихо приходила, приносила подносы с изысканными блюдами: запечённой рыбой, фруктами, лёгкими бульонами. Вид еды вызывал спазм в горле. Я лежала, уставившись в потолок, и слёзы текли беззвучно по щекам, пока не иссякал их источник. Тогда наступали часы полного оцепенения, прерываемые лишь приступами мучительной тошноты.

Было невыносимо не только горе. Было невыносимо само это предательство, позволять увозить себя всё дальше от дома, от каждого камня, помнящего шаги брата, от воздуха, в котором ещё остался призрачный смех. Никакие яства и украшения не могли заткнуть ту зияющую дыру, что образовалась на месте моей прежней жизни. Они были как заплатки на гниющей ткани.

Когда слёзы высыхали, а тело отказывалось даже стонать, наступало забытьё. Сон не приносил покоя, но он приносил иллюзию близости. Во сне дом был не воспоминанием. Он был реальностью. Я ощущала скрип половиц под ногами, слышала голоса, и боль на время отступала, обманутая сладкой ложью.

Но просыпаться было очень больно.

Прошло несколько дней. Я снова смотрела в зеркало. Отражение было чуть менее прозрачным, но огромные синие тени под глазами кричали о бессонных ночах. Их пришлось замаскировать густыми белилами. Сегодня мне нужно было выйти из каюты, узнать принца, войти в его доверие. А главное стать ему нужной. Для этого нужны были силы, и я заставляла своё тело подчиняться: съесть завтрак, умыться. Потом взяла с полки первую попавшуюся книгу в кожаном переплёте, какую-то скучную хронику о морских путях, и уткнулась в неё для того, чтобы слова на странице вытеснили из головы другие, более мучительные картины. И чтобы было о чём завести разговор, если спросят.

Когда солнце начало тонуть в море, окрашивая каюту в багровые тона, в дверь постучали.

— Госпожа, я принесла ужин, — донёсся тихий голос Арии.

— Заходи, Ария. Ты сегодня ужинала?

Девушка, застывшая на пороге с подносом, лишь отрицательно помотала головой. Я указала на стул.

— Садись. Поешь. Не могу же я есть одна.

Она села, робко отламывая кусок хлеба. Когда я положила ей на тарелку свой кусок запечённой курицы, её глаза на мгновение вспыхнули таким искренним удивлением и благодарностью, что у меня в горле защемило.

— Почему ты так дрожишь? — спросила я.

Она подняла на меня глаза. Но я смотрела только на её трясущуюся руку, сжимающую ложку.

— Раньше я служила господину Фильброну. Он не позволял мне есть при нём и бил, если увидит.

Я слотнула ком, который быстро образовался в горле.

— Ты больше никогда не будешь подвержена подобному.

Она благодарно кивнула.

Когда она встала, чтобы уйти, я обняла её.

Ария сначала напряглась. Будто ждала удара. Потом медленно расслабилась и уткнулась мне в плечо. Тихо всхлипнула.

— Всё хорошо, — сказала я. — Теперь всё будет иначе.

— Ария, — осторожно начала я, глядя, как она аккуратно вытирает пальцы. — Ты можешь найти мне платье без корсета?

Она смущённо опустила взгляд.

— Наши дамы такие не носят, госпожа. Это не принято. На приёме все заметят.

— Тогда не затягивай сильно. Мне тяжело дышать в них. — Я обвела рукой открытый сундук, где лежали наряды. — Возьми вон то. Цвета пыльной розы. Я собираюсь выйти в свет

Ария действительно была волшебницей. Она затянула корсет ровно настолько, чтобы придать форму, но не сковывать дыхания, оставив мне пространство для манёвра и для воздуха. пышная юбка из тяжёлого шёлка мягко зашуршала, когда я опустилась в кресло.

— А теперь, — попросила я, встречая её взгляд в зеркале, — сделай мне кудри. Не слишком сложные. Но такие, чтобы принц заметил, что я старалась.

Первый шаг к тому, чтобы стать не просто гостьей, а частью его картины мира. Ария кивнула, и в её глазах мелькнуло нечто похожее на понимание. Она брала в руки прядь за прядью, пальцы двигались уверенно.

— Вы красивая, госпожа, — тихо сказала она. — Когда поправитесь, все будут смотреть только на вас. Но ваши волосы... такие серые, госпожа. Надо бы покрасить.

— Мне нужно, чтобы смотрел только один, Ария, — так же тихо ответила я, глядя в отражение своих пустых глаз в зеркале.

Вечернее небо сегодня было шедевром: оттенки индиго, пурпура и золота. Запах моря, смешанный с лёгким бризом, опьянял, обещая свободу. В новом платье, с локонами, ниспадающими на плечи, я чувствовала себя не просто увереннее. Я чувствовала себя оружием, наконец извлечённым из ножен.

Верхняя палуба кишела жизнью. Офицеры, приглашённые гости, несколько дам. Все смеялись, разговаривали, создавая иллюзию мирного путешествия. Где-то звучала живая, задумчивая мелодия скрипки, пара кружилась в неспешном танце. Мои глаза скользили по толпе, выискивая знакомую светловолосую голову. Ксавьер Уэльс. С него следовало начать. Он был ключом к реальному положению дел, а не к придворным сказкам.

Но его нигде не было видно.

Раздражённая, я уже потянулась к бокалу с вином, стоявшему на ближайшем столе, как пространство передо мной изменилось. словно материализовавшийся из самого закатного света, возникла рыжая, невысокая фигура.

— Позвольте мне, — голос Честера прозвучал прямо у моего плеча.

Он ловко взял два бокала и протянул один мне. Его движения были чуть неуклюжими, видимо, от волнения.

— Выпьем за нашу встречу. Вернее, за новую встречу, — он улыбнулся, и в уголках его глаз собрались лучики морщинок.

Бокалы звякнули с весёлым, пустым звуком. Мы оба сделали по глотку. Вино было сладким, даже приторным. Взгляд принца, тёплый и настойчивый, изучал моё лицо, выискивая следы болезни, о которой он, наверняка, уже расспросил Арию.

— Вино из наших виноградников! Ах да, вы так долго не покидали каюту. Почему? — спросил он.

— Меня подкосила морская болезнь. Казалось, сам воздух меня предаёт, — ответила я, глядя на вино в бокале.

Он понимающе закивал, как будто это было самое романтичное недомогание на свете, и предложил руку. Я положила свои пальцы на его локоть, ощущая под тонкой шерстью мундира твёрдую мышцу. Он провёл меня к борту, отгородив от остальных своим телом. Я чувствовала его взгляд на своём профиле. Оценивающий. Восхищённый. Слепой.

Сама же я уставилась вдаль, разглядывала линию горизонта.

— Словами не передать, как я любила море раньше. Таинственное, необъятное и такое одинокое, — сказала я, и это была одна из немногих за вечер правдивых фраз.

Сейчас «Солнце Короны» рассекало чёрно-синюю толщу, и волны с глухим стоном разбивались о борт, рассыпаясь дрожащей пеной. А там, на самом краю горизонта, море походило на жидкий, холодный янтарь.

Не выдержав пристального, влажного молчания, я позволила себе обернуться к принцу лицом и увидела в его глазах то, чего хотела больше всего: чистую, инфантильную влюблённость.

— Вы мне нравитесь, леди Дженна, — выпалил принц, и губы его задрожали.

Голос Честера сорвался на юношеский фальцет. В этот момент он был не наследником престола, а просто мальчишкой, который сделал смелый поступок и замер в ожидании реакции. В его доверчивых глазах таилось что-то тёплое, почти обожание, готовность положить к моим ногам весь мир.

Именно этого я и хотела.

— Вы так добры ко мне, — сказала я, и мне пришлось напрячь каждую мышцу лица, чтобы оно не исказилось гримасой.

Его пальцы коснулись моего обнажённого плеча, того самого, где был шрам. Я вздрогнула. Но не от прикосновения. От яростного импульса оттолкнуть его, ударить, смыть его след. Это была дрожь сдавленной злобы, которую он принял за смущение.

— Я знаю вас так мало, но вы успели свести меня с ума. Плечо ещё болит?

— Уже не болит, — прошептала я, глядя куда-то в область его позолоченного воротника.

Он продолжал смотреть на меня, ища в моих глазах хоть искру взаимности. Я снова отвернулась к морю. Солнце погасло окончательно.

План, который был лишь смутным намерением, начал работать с пугающей, неумолимой скоростью. Теперь нужно было решиться на безумие или же отступить. Но дороги назад не было. Её съело это самое чёрное море вместе с костями моего брата.

Собрав волю в кулак, я повернулась к Честеру с самой невинной, почти детской улыбкой, какую только могла изобразить. Улыбкой, которой не было у меня с двенадцати лет.

— Ваше величество, вы же не против, если мы попробуем узнать друг друга получше? Без формальностей.

Он расцвёл. Его улыбка стала широкой, белоснежной, а глаза заблестели от счастья, смыв всю тревогу. Принц взял мою руку и поднёс к губам. Его поцелуй на костяшках пальцев оставил влажный след.

— Я открою вам всю свою душу, — прошептал он с нежностью. — У вас такие необычные глаза! Вроде карие, а вокруг зрачка золотые крапинки.

— Это семейное, — мягко поправила я, улыбаясь. — Говорят, такой же оттенок был у моей прабабушки. Я почти её не помню.

Честер кружил меня в танцах несколько часов. Музыка, смех, звон бокалов; всё это было фальшивым фоном для моей работы. Если бы я была хоть немного глупее, то не заметила бы ядовитых, завистливых взглядов двух придворных дамочек, что увязались в плавание в надежде на внимание принца. Пару раз я, словно невзначай, касалась его спины, позволяя своей руке задержаться на мгновение дольше положенного. Этого хватило. Их накрашенные рты искривились, и вскоре они ретировались, оставив поле чистым.

А врушка Ирма, с улыбкой до боли в щеках, продолжала кружиться. Каждый её шаг был шагом по канату над пропастью, и падение означало не просто разоблачение, а смерть. Но другого пути не было. Только вперёд, в объятия этого восторженного мальчика, за которым маячили тени настоящей власти.

Глава 10

«Солнце Короны» бороздил воды уже две недели. За это время не было ни одного вечера, когда Честер не находил бы предлог побыть рядом. Мы читали книги, любовались закатами, танцевали и ужинали. А рядом, как хвост, ходил Ксавьер Уэльс. Его молчаливый, угрюмый вид был единственным честным отражением моих истинных чувств в этом театре. Он был моей совестью, которую я пыталась задушить.

К концу второй недели на горизонте, подобно миражу, возникла суша. Я узнала эти полосы, залитые солнцем берега из детских книжек. Это были Солнечные острова. Так яростно захотелось ощутить под ногами твёрдую землю, горячий песок, убежать и спрятаться. Но наш корабль, не сбавляя хода, пронёсся мимо.

Ты уже достаточно набегалась.

Я стояла на шкафуте, глядя в безоблачную, предательски спокойную синеву, когда с полубака донёсся приглушённый, но яростный рокот. Честер, Ксавьер и адмирал о чём-то спорили.

Я сделала вид, что рассматриваю облака, а сама придвинулась ближе, за мачту.

— Гарольд требует немедленного удара по южным фортам, — голос адмирала был жёстким. — Если мы промедлим, Каменный Король перекроет поставки рыбы. Люди начнут голодать уже к зиме.

— Гарольд не понимает, — огрызнулся Честер. — У нас нет флота для двух фронтов.

— Тогда убедите отца. Или сделайте это без его благословения.

— Без благословения? — голос принца сорвался. — Вы предлагаете мне бунт?

— Я предлагаю вам думать, ваше высочество. Не все враги носят доспехи.

Ксавьер молчал. Я представила его лицо — каменное, непроницаемое

— Капитан Уэльс, — адмирал повысил голос. — Ваше мнение

— Моё мнение не изменилось, — ответил Ксавьер холодно. — Мы не готовы.

— Тогда готовьтесь. У нас нет времени.

Шаги застучали по палубе. Я отступила в тень, где уже почти не слышала разговор.

Напряжение между ними росло ежесекундно. Это была не дискуссия, это была буря. Честер, с лицом, искажённым гневом, резко взмахнул рукой. Раздался звонкий, унижительный звук пощёчины. Ксавьер отшатнулся... от неожиданности, от предательства. Его тело на мгновение окаменело, кулаки сжались так, что костяшки побелели. По лицу пробежала судорога чистой, животной ярости. Я видела, как в его глазах вспыхнуло убийство.

Но он сдержался. Не опустил глаза, но и не ответил ударом. Вместо этого он резко развернулся и сбежал по палубе, пронёсся мимо меня, и его короткий, обжигающий взгляд, полный чего-то между презрением и предупреждением, скользнул по мне, прежде чем он исчез в проходе.

Ко мне подошёл Честер. Дышал тяжело, словно после бега, глаза были яркими, почти сумасшедшими.

— Не стоило вам видеть меня в таком гневе, — выдавил он на выдохе, и в голосе слышалась не столько вина, сколько смутная гордость от содеянного.

Его челюсть была напряжена, как стальная пружина, брови нахмурены, создавая глубокую складку между ними. Детские, мягкие черты словно испарились. Передо мной стоял мужчина, впервые показавший свою волю. И впервые я увидела в нём не марионетку, а потенциального правителя. Опасного, потому что управляемого эмоциями.

— Вам идёт власть, ваше величество, — промурлыкала я.

Меня затошнило. Должно быть, от самой себя, от сладости этих слов, которые я бросала на растопку его эго. Но эффект был достигнут — Честер смягчился. Маленькая ямочка на его

щеке дёргалась, сдерживая довольную улыбку. Он выдохнул и наконец улыбнулся по-настоящему, с облегчением.

— Что-то случилось? — спросила я невзначай.

— Два старых друга разошлись во мнении. Пойдёмте, я расскажу вам одну историю. Хочу услышать мнение со стороны. — Он начал нервно хихикать. — Вы ведь будете на моей стороне?

Мы прошли к корме, где нас не мог достать ничей слух. Честер облокотился о планшир, закрыл глаза, собираясь с мыслями. Когда он заговорил, голос его был тихим, обращённым в прошлое, которое, казалось, мучило его больше, чем настоящий скандал.

— Когда я был ребёнком, отец отправил меня в гвардейскую школу на окраине Мирзаата. Мой брат-наследник с пелёнок ходил в походы с отцом, а учили его в дворцовых покоях лучшие умы континента. А меня сдали, как лишний багаж. Я учился вместе с детьми рыбаков, солдат, пастухов. И там был один мальчишка. Нельзя было назвать его крупным, но на мечях его не мог победить никто. В первый же день моим спарринг-партнёром назначили его.

Честер горько усмехнулся, прочертив пальцем по влажному дереву борта.

— Я проиграл ему с треском. И проигрывал снова и снова, год за годом. И тогда до меня дошло: моя кровь, мой титул... ничего не стоят в этом месте. Я даже попросил учителя молчать о том, что я принц. И вот, после очередного унижительного поражения, я набросился на того парня с кулаками. Я ударил первым. А он ведь мог убить меня одним ударом. Уже тогда он был выше меня на голову, и каждый мускул на его руках был причиной для зависти. Но он поддался, позволил мне избивать себя, пока у меня не кончились силы. И всё это он сделал, чтобы преподать мне простую, жестокую истину: сила без милосердия это просто зверство.

Принц открыл глаза. В них стояла взрослая, неподдельная боль и стыд.

— После той драки я понял, что был не прав, попросил прощения. Каждый день после занятий он оставался со мной, учил меня тому, что знал сам. А я отдавал ему половину своего обеда. И вот сегодня... я ударил его снова. Мы давно выросли, а я всё позволяю себе бить того, кто был мне братом больше, чем кровный. — Он посмотрел на меня, и в его взгляде была мольба о прощении, которого он не мог ждать от Ксавьера. — Вы ведь поняли, о ком я?

Ответ был очевиден.

— О капитане Уэльсе, — тихо сказала я, не опуская глаз.

И в этот момент я поняла не только историю их дружбы. Несмотря на бархат и золото, несмотря на титул принца, его детство было пропитано тем же ядом одиночества и отвержения, что и моё. Отец, очевидно, не любил его. И это чувство было мне знакомо лучше, чем кому-либо. Речь шла не о Билле, а о том призраке в моей памяти, о том настоящем отце, которого я не видела много лет и который давно был мёртв. Я знала, каково это — вечно кипеть тихой злобой, пытаться угодить недостижимому идеалу, унижаться в собственных глазах в надежде на крупицу внимания, которая никогда не придёт.

Его слабое место это Ксавьер. Если я хочу заставить Честера действовать, мне нужно понять, как управлять ими обоими. Ксавьер не доверяет мне. Но Честер доверяет. Значит, я буду работать через него.

Эти мысли разожгли во мне странный, неконтролируемый гнев на самую ткань мироздания, которая, казалось, была создана из несправедливости для таких, как мы. Мысль была настолько чудовищной в своей простоте, что я чуть не задохнулась.

Я резко вскинула руки, жестом отбрасывая эту ядовитую тяжесть, пытаюсь вернуться в роль.

— Ваше высочество, вы не виноваты. Не знаю, чем вас разозлил капитан, но, если вам дорога эта дружба... сделайте первый шаг. Иногда сильные люди это те, кто умеют извиниться первыми. Это показывает величие души.

Честер пожал плечами, словно сбрасывая с себя груз гнева и обиды. В его позе появилась детская неуверенность.

— Ксавьер — мой лучший друг. Единственный. Пожалуй, ты права. Я должен извиниться. Он ненавидит, когда я веду себя как... как мой отец.

Я одобрительно кивнула, но внутри меня затаился глупый, неосторожный вопрос, рождённый внезапным порывом странного, нежелательного сочувствия. Я всё же решилась его задать, движимая этой внезапной щемящей близостью:

— Почему ваш брат не был с вами в той школе?

— Гарольд, — произнёс Честер, и имя прозвучало у него на языке горько, как неспелый плод. — Первый сын. Наследник. Вот и весь ответ. Он солнце в королевстве моего отца. А я лишь его обуза, не более. И к сожалению, — он замолчал на несколько секунд, — королева, наша мать, умерла, рожая меня. Вот и две огромные, веские причины для отцовского пренебрежения.

В его голосе не было жалости к себе. Была лишь усталая констатация факта. Приговор, вынесенный ему при рождении и зачитывавшийся каждый день взглядом короля. Король винит сына в смерти жены.

— Но это же несправедливо! — сорвалось у меня с губ, и в этих словах прозвучал отголосок моей собственной, давней детской обиды. Крик маленькой, преданной девочки.

— Я знаю, — просто сказал он. И в его взгляде, встретившемся с моим на миг, промелькнуло что-то хрупкое и признательное — благодарность за то, что кто-то наконец сказал это вслух. — Простите. Мне нужно идти.

Честер развернулся и быстро зашагал прочь, не желая дать мне увидеть, как слёзы успели навернуться на его ресницы. Но я всё равно увидела.

Он ушёл, оставив меня на корме с неожиданной, тяжёлой глыбой на душе. Я только что манипулировала его болью, чтобы укрепить своё положение, но эта ложь коснулась чего-то настоящего, живого и кровоточащего во мне самой. Послевкусие было горьким, странно печальным и отвратительно знакомым. Я вспомнила, как в двенадцать лет я плакала не только по матери, но и по отцу. По тому отцу, каким он мог бы быть. Теперь я видела это же эхо в Честере.

Я с силой сжала перила, пока дерево не впилося в ладони. Нет. Его боль это его оружие, которое он мне вручил. Моя боль это моё топливо. Их нельзя смешивать.

Никогда.

Глава 11

На утро двадцать третьего дня нашего плавания меня вырвал из сна оглушительный крик.
— Швартуемся! Земля!

Я накинула лёгкую рубашку и выскочила на палубу. Вокруг царила лихорадочная деятельность: впередсмотрящий указывал рукой, матросы, висящие на вантах, как обезьяны, и те, что сновали по палубе, метались, готовя канаты и трапы. Я пробралась к корме, и дыхание перехватило.

Материк был так близко, что, казалось, можно коснуться его рукой. Белая, ослепительная полоса песка, а за ней только сплошная, дышащая влажным жаром стена тропического леса. Мирзаат. Не карта, не сказка Билла, а реальность.

Рядом, у борта, появились принц и капитан Уэльс. Они снова были вместе, обсуждая что-то с деловым видом, и в их позах не осталось и следа вчерашнего конфликта. Подходить и вплестаться в их беседу сегодня не было ни малейшего желания. Я предпочла раствориться в роли наблюдателя, пока корабль с глухим стуком и скрипом притирался к могучему пирсу из тёмного дерева.

Вскоре я покинула палубу. Меня вместе с двумя придворными дамами усадили в карету где-то в центре процессии, которая за несколько дней до нас прибыла из замка.

— И как же атракская принцесса согласилась ехать в одной карете с нами, простыми придворными? — ядовито хихикнула одна из них, играя веером.

— Видно, корабельные каюты надоели, захотелось настоящей роскоши, — сказала вторая.

Я медленно повернула к ним голову. Взгляд мой был пустым и холодным.

— Выбирать не приходится. Но вы мне льстите, ведь я не принцесса. Мой отец лорд, а не король, — произнесла я ровным, безразличным тоном.

Смешки оборвались.

Путь к замку лежал через лесные джунгли. Они были не просто зелёными... они были яркими, влажными и плотными. Солнце пробивалось сквозь лиственный свод золотистыми лучами, в которых танцевала пыль. Столько жизни, столько неукротимой зелени я не видела никогда: листья размером с колесо телеги свисали до земли, мощные лианы, толстые как канаты, душили стволы невиданных деревьев, а в их непроглядной высоте, у самых макушек, стоял несмолкаемый странный гул и перекличка незримых птиц.

И вдруг чаща расступилась.

Впереди, на высоком утёсе, словно вырастая из самой скалы, засияли на солнце десятки конусных крыш, покрытых глазурованной красной черепицей. Дорога, извиваясь серпантином, повела колонну вверх. И с каждой петлёй Мирзаат открывался всё шире.

Новые Земли являли свою столицу. Город, утопающий в зелени акаций с их огромными, раскидистыми кронами, давшими желанную тень. Мы проехали по массивному каменному мосту, перекинутому через глубокое ущелье, и въехали в город через арочные ворота с опущенной решёткой. Я увидела город: тесные улочки и приземистые домики из серого, отполированного временем камня. А над всем этим, венчая утёс, парил замок. Не единое строение, а целый лабиринт корпусов, галерей и двух высоких сторожевых башен. На шпилье центральной из них плескался алый флаг с той самой лисьей мордой.

Колонна двигалась по главной улице, и её заполонил невообразимый гул. Люди теснились по краям. Женщины бросали под копыта лошадей и на крышу нашей кареты охапки ароматных цветов, мужчины снимали шапки и низко кланялись. А впереди, в самом центре этого безумия, ехал Честер верхом на великолепном белом жеребце, в парадном мундире. Он смеялся

и подбрасывал в воздух пригоршни золотых монет. Десятки детей с визгом носились вокруг его лошади, ловя блестящие кружочки на лету или роясь в пыли. Он купался в их обожании, в этой народной любви, которая была для меня чуждой и непостижимой.

За что они так любят его?

Я откинулась на спинку сиденья, отгородившись от восторженных криков. Благо через десять минут процессия замерла у высоких распахнутых дубовых дверей замка. Я уже едва сдерживала дрожь в руках от яростного желания вломить этим двум дамам в карете, чьи насмешливые взгляды всё ещё жгли меня. Но это было непозволительной роскошью. Я вдохнула глубоко, втягивая в себя запах старого камня, воска и чужих цветов.

Проходя по широкому, прохладному коридору, я вглядывалась в детали, пытаюсь найти в них хоть какую-то опору. Стены и сводчатые потолки были покрыты резьбой. Фрески изображали в основном геометрические узоры и виноградные лозы, но кое-где выступали лисьи морды. Главным украшением коридоров, однако, были доспехи, заточенные в отдельные стеклянные кубы, похожие на гигантские, сияющие аквариумы. Они стояли в нишах, и свет факелов играл на отполированной до зеркального блеска стали, создавая иллюзию, будто внутри застывшего металла до сих пор бьётся жизнь. На каменных постаментах были выгравированы имена: сэр Эдгард Кингсли, павший у Чёрных Скал. Лорд Ричард Кингсли, защитник Южных Рубежей. И ещё много других имён предков Честера, которые я пообещала себе запомнить позже

Коридор вывел в просторный холл. Здесь с двух противоположных стен взирали гигантские портреты. На одном прекрасная женщина с печальными глазами, двое мальчиков-погодков прижались к её коленям. На другом седовласый, статный мужчина в горностаевом плаще.

Потолок пронзали многоярусные хрустальные люстры; они ловили редкие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь высокие окна, и рассыпали их тысячами радужных зайчиков по холодному мраморному полу.

Внезапная, гнетущая тишина после шума улиц оглушила. Столько раз я покидала дом. Но в этот раз всё было иначе. Это было не бегством, а погружением. Чувство тревоги, острое и неотступное, как зубная боль, не покидало ни на секунду. Я не могла заставить себя строить планы. Мысли, едва зародившись, ударялись о призму страха и неопределённости и рассыпались, как те самые солнечные зайчики на полу. Столько импровизировать, столько лгать... такого опыта у меня не было. А Честер... кто знает, какие вопросы он задаст завтра? Кто знает, какую историю мне придётся сочинить послезавтра?

Я заставила себя сделать глубокий вдох. Я ведь и правда потеряла дом. И правда ненавижу того, кто его отнял. Леди Дженна это я, но просто с другим именем. В горле встал ком. Мне бы хотелось, чтобы рядом была Аннет. Она бы ткнула меня в бок, напомнила бы, кто я на самом деле, не дала бы раствориться в этой лжи. Но сестры больше нет. Брата нет. Отца тоже нет. Осталась только эта роскошная, пустая скорлупа и я внутри неё.

Я одна. Совершенно одна.

И в этой ледящей пустоте рождалась странная, горькая свобода. Я имела право делать всё, что вздумается. Всё, что потребуется для выживания и мести. И теперь, в этом замке, полном призраков прошлого и врагов в настоящем, уже никто и ничто не могло мне помешать. Никто, кроме самой себе и призрачного взгляда тех пустых доспехов, что сторожили покой чужих предков.

Честер, как и обещал, позаботился. Мои новые покои располагались на втором этаже, в так называемых «женских апартаментах», где обитали графини, герцогини и дочери лордов, привезённые ко двору в надежде на удачный брак или политическое влияние.

Ария осталась моей служанкой, но видеть, как эта девушка трудится с утра до ночи, было невыносимо. Особенно когда я, притворяющаяся изнеженной дамой, сидела без дела, наблюдая за её суетой. Эта праздность была хуже любой работы: она напоминала мне о пропасти между тем, кем я была, и тем, кем притворяюсь. И о том, что каждая минута бездействия может разрушить мой план.

— Ария, прогуляемся? — предложила я, отрываясь от созерцания узора на обоях.

Девочка от неожиданности вздрогнула, и серебряный поднос с чайным сервизом выскользнул у неё из рук. Фарфоровая тарелка с жалобным звоном разбилась о каменный пол. Ария ахнула и бросилась на колени, торопливо сгребая осколки. Её плечи затряслись, а на ресницы навернулись крупные, тяжёлые слёзы.

— Оставь это мне, — мягко сказала я, опускаясь рядом с ней на пол. — Я справлюсь.

Я протянула ладони и в этот миг осознала свою ошибку. Руки выдавали всё. Они были грубыми, шершавыми, с ободранными подушечками пальцев и ладонями, покрытыми плотными, жёлтыми мозолями. Ничего общего с бледными, изящными руками леди Дженны. Хорошо, что на корабле я носила перчатки.

Но ведь Дженна была не просто дочерью лорда, она была воином. Держала в руках оружие, правда ведь? Я же слышала, как наёмник сказал, что эта храбрая женщина убила пятерых, прежде чем её лишили жизни.

Сердце заколотилось где-то в горле. Я ждала вопросов, обвинений. К счастью, Ария лишь удивлённо моргнула.

Я быстро собрала острые осколки и сложила их на поднос, стараясь делать это с видом хладнокровной хозяйки, хотя пальцы дрожали. Ария всё ещё не переставала тихо всхлипывать. Её плач, тонкий и жалобный, разрывал тишину комнаты, и на душе у меня скребли кошки. Вся эта ложь, всё это притворство отозвалось в животе противным, тяжёлым комом. Уже так скоро.

— Ария, всё в порядке, — прошептала я, но мой голос дрогнул. — Не плачь, пожалуйста.

Я обхватила эту маленькую и хрупкую девушку, крепко прижала к себе. Она пахла мылом и свежим бельём.

— Простите, госпожа! Я такая бестолковая! — хныкала она, уткнувшись мне в плечо.

Я всё ещё крепко обнимала её, закрыла глаза и почувствовала, как по моим собственным щекам скатываются горячие слёзы. Так же, давным-давно, меня саму обнимала мама, утешая после очередной ссоры с братом или ушибленных в порыве игр коленок. Мы стояли так, пока волны горя не отступили и мы не пришли в себя, обе с красными носами и мокрыми лицами.

Переодев меня в лёгкое платье из простого муслина, мы вышли в коридор. Ария шла следом, в почтительном отдалении, как верный щенок. После нескольких моих замечаний она наконец смирилась и зашагала рядом, хотя и бросала на меня растерянные взгляды, когда я невольно выругалась под нос, споткнувшись о складку ковра.

Мы прошли через ряды кустовых роз, благоухающих тяжёлым пьянящим ароматом, под низкую каменную арку, увитую глицинией, и вышли в сад. Вдоль аккуратных дорожек из белого гравия неспешно прогуливались дамы. Они были похожи на экзотических птиц в своих нелепых платьях с гигантскими фижмами, с причёсками, взбитыми и напудренными до состояния архитектурных сооружений, напоминавших перевёрнутые цветочные горшки. У их ног сустились крошечные, тщательно завитые собачки, вызывающие взрывы восторженного хохота.

Я не удержалась и скорчила гримасу, передразнивая одну особенно чопорную даму, вышагивающую с важным видом. Я даже заметила, как рассмеялась вслух сорвавшимся, совсем не дамским смехом. И меня услышали. Несколько голов повернулись в нашу сторону. Если бы я не юркнула под густую сень, не потащив за руку ошеломлённую Арию, нас бы непре-

менно заметили. Мы притаились среди влажных, пахучих веток, и Ария, глядя на моё перекошенное от смеха лицо, тоже рассмеялась — звонко и по-детски беззаботно

Когда дамы, пожав плечами, удалились, мы выбрались обратно на дорожку. На моём платье остались зелёные пятна, а в душе осталось странное, лёгкое чувство, которого я не знала с тех пор, как отплыла от берегов своей прежней жизни.

— Ты когда-нибудь замечала, чем они вообще тут занимаются? — поинтересовалась я, кивнув в сторону удаляющихся дам.

Ария опустила глаза, но уголки её губ задрожали, сдерживая улыбку.

— Я... я подслушала их разговор несколько месяцев назад. Всё думала, зачем они собираются в саду на рассвете, в такую рань! Оказывается, господин Ксавьер Уэльс и Его Величество принц иногда в это время возвращаются с утренней пробежки. — Она перешла на шёпот, прикрыв рот ладонью. — Так вот, дамы обсуждали... как выглядят их тела. Одна графиня поклялась, что видела их без рубашек, когда они купались в лесном озере, но остальные ей не поверили, назвали фантазёркой.

Я не могла сдержать новый приступ смеха. Конечно. В этом золотом птичнике, лишённом настоящих дел, единственным объектом для страсти и сплетен становились два самых завидных мужчины. Ирония ситуации щекотала мне нервы: сердца этих дам рвались к принцу, но сердце самого принца, кажется, было уже занято.

— Ария, — спросила я, когда смех утих, — тут есть где позаниматься? Я имею в виду чем-то полезным. Например, стрельбой из лука.

Девчушка округлила глаза, будто я предложила пойти плясать голой на площади.

— Для леди таких занятий нет. Им строго-настрога запрещено брать в руки оружие. Но... — она понизила голос ещё больше, — я слышала, господин Ксавьер по вечерам занимается с новобранцами борьбой в старом манеже за северной стеной. Туда можно прийти посмотреть, если осторожно. А по воскресным дням на нижней площади проходят турниры на мечах.

Ну конечно! Ведь очень выгодно держать женщин в стороне, пусть их не интересует ничего, кроме глупой болтовни. Пусть и думать не смеют ни о чём таком!

Мы недолго погуляли и вернулись в душные покои. Ария тихонько устроилась в кресле у окна и взяла вышивальные пяльцы. Она посмотрела на меня вопросительно, как бы спрашивая разрешения. Этот маленький, покорный жест вызвал во мне такую волну ярости, что я чуть не вскрикнула. Я презирала эту систему, где дети становились безгласными тенями, рабами прихотей надушенных бездельников. Я презирала этот замок с его позолотой и лицемерием, эту комнату, красивую клетку, и всех этих наряженных кукол вокруг, чья жизнь состояла из сплетен, завивки волос и охоты на выгодную партию.

Ксавьер — его слабое место пока скрыто. Но я найду его. Всегда есть что-то. Страх. Гордость. Тайна. И когда я узнаю, я смогу нажать на эту тайну.

Видимо, эта немая злость, не нашедшая выхода, и сморила меня окончательно. Я повалилась на кровать в том же платье и тяжёлый, безрадостный сон накрыл меня ещё до того, как солнце скрылось за зубцами башен.

Глава 12

Визгливый голос брата бился о толстые дубовые доски.

— Открой эту дверь, девочка! Сейчас же!

Она подперла ручку массивной тумбой. Удары кулаков по двери сливались в сплошной, яростный барабанный бой. Крошка прислонилась спиной к холодному дереву и медленно сползла на пол, поджав колени. Ладони, прижатые к ушам, не могли заглушить этот шум. Громче криков был только бешеный, отчаянный стук её собственного сердца, отдававшийся в висках.

— Открой, или я позову отца!

Слово «отец» пронзило её, как удар молнии. Оно было чётким сигналом бедствия, отменяющим все укрытия. Девочка, рыдая, кое-как поднялась на ноги. Дрожащими, крохотными руками она оттащила тумбу, оставив на вощёном полу две царапины. Сделав два оборота тяжёлым ключом, она открыла дверь.

В проёме, запыхавшийся и сияющий злобным торжеством, стоял её брат. Его лицо украшала самая едкая, самая довольная ухмылка на свете.

— Сестрёнка, ты что, забыла? Мои вещи трогать нельзя.

Он схватил её за горло. Хватка была цепкой и жестокой. Маленькая девочка обхватила его руку своими двумя ладошками, пытаясь оторвать, но это было бесполезно. Воздух перестал поступать, комната поплыла перед глазами.

— Клаус, пожалуйста... — взмолилась она. Звук был лишь хриплым выдохом.

Клаус на миг отпустил хватку. Девочка судорожно вдохнула и в тот же миг получила пощёчину. Она не удержалась на ногах и рухнула на пол, ударившись плечом о холодный камень.

— Ещё раз возьмёшь мои вещи — и я тебя убью. Поняла?

Брат плюнул на пол, развернулся и ушёл, громко хлопнув дверью. Малышка свернулась на полу калачиком и зарыдала, давясь горькими, бессильными слезами. Разбитая губа саднила и пульсировала. Подняв руку, она рукавом платья вытерла кровь. Белая ткань мгновенно окрасилась в грязно-розовый цвет.

В комнату вбежала служанка по имени Марта. Не говоря ни слова, с каменным лицом, она вытерла с пола кровь, придвинула тумбу к стене и так же быстро исчезла, как пришла. В этих стенах девочке никто не мог помочь. Все боялись гнева её отца и предпочитали помалкивать.

Эту пощёчину она получила за деревянный меч. Он был в его комнате, но она не могла удержаться. Она любила взять в руки изящную рукоять, почувствовать под пальцами шероховатость дерева, а потом, обхватив её обеими руками, рассекать воздух. В эти мгновения девочка чувствовала в себе необыкновенную силу, которая могла бы сокрушить любого.

Служанка вернулась с другим платьем. Молча она передела крошку, а испачканное тут же бросила в камин, где ткань с шипением свернулась в чёрный комок. Рану на губе промыли жгучей настойкой, от которой свело скулы. Потом служанка взяла девочку за руку и повела из комнаты.

К отцу.

Отец сидел в своём огромном кожаном кресле у камина. Его сильные пальцы нервно барабанили по резным подлокотникам. Позади него, упираясь рукой в спинку кресла, стоял Клаус. Он скорчил злобную гримасу, а затем медленно, с наслаждением, провёл указательным пальцем по своему горлу: тебе конец.

— Что ты взяла из вещей брата

— Игрушечный меч, — она всхлипнула. — Я всего лишь хотела поиграть. Я вернула его на место.

— Немедленно извинись перед братом.

И вдруг, сквозь этот ком ужаса и отчаяния, в ней что-то вспыхнуло. Что-то маленькое, но очень сильное и правильное.

— Я не буду извиняться! — выкрикнула она. — Клаус оторвал головы всем моим куклам! Он съёл мой рисунок! Но я не ябедничала, как он! Никогда!

Отец нахмурился. Его губы сжались в тугую нить так, что за густой чёрной бородой их практически не было видно. И он не посмотрел на Клауса, который издевательски делал жесты кулаками. Он смотрел на дочь, которая снова понурилась.

— Гамсан! — рявкнул отец, не отрывая леденящего взгляда от дочери. — Поддай мне плеть.

Отец медленно провёл пальцами по тугий кожаной косе плети, словно проверяя остроту ножа. Затем его холодные и неумолимые глаза вернулись к ней.

Первый удар со свистом рассек воздух и обжёг её тонкую руку выше локтя. Второй удар пришёлся чуть ниже. Девочка взвизгнула, закрыла лицо руками и перевернулась на живот, подставляя под удар спину. Отец, размахнувшись, опустил плеть. Раздался резкий звук рвущейся ткани, и вслед за ним новый, дикий визг боли. Плеть не просто ударила, она рассекла кожу на её спине. Крик был настолько пронзительным, что даже Клаус перестал гримасничать и замер.

— Марта, — холодно бросил отец, бросая окровавленную плеть на пол. — Запри девочку в её комнате. Промой раны. И не выпускай до завтрашнего ужина. Никакой еды сегодня.

В комнате с неё молча сняли разорванное платье. Прикосновение мокрой тряпки к открытой ране заставило её снова вскрикнуть. Потом нанесли какую-то липкую, жгучую мазь. Щёлкнул замок.

Оставшись в гнетущей тишине, девочка стиснула зубы, чтобы не завывать. Она неуклюже, с трудом поднялась с кровати. Подошла к двери и дёрнула за ручку. Заперто.

Она отодвинула белый кружевной балдахин и вышла на небольшой каменный балкончик. Двор внизу был пуст. Её взгляд скользнул по опустевшему саду и устремился к линии горизонта, где небо сливалось с дальними холмами. Там, в своих мечтах, она покидала эти стены.

— Когда я вырасту, я точно отсюда сбегу, — дала себе обещание девочка.

Не думая о боли, движимая лишь отчаянным желанием найти хоть каплю утешения, она перелезла через холодные каменные перила балкона. Руки, несмотря на свежие раны, нашли выступ. Она прыгнула. На мгновение повисла в воздухе, а затем ухватилась за перила соседнего балкона, что принадлежал комнате матери. Подтянув ноги, девочка перекатилась через ограждение и оказалась на знакомых плитах.

Дверь в комнату была приоткрыта. Крошка вошла внутрь. Воздух пах лекарствами, пылью и тишиной. На огромной кровати, почти теряясь в её просторах, лежала женщина, укрытая тонким одеялом. Видно было лишь её исхудавшее, восковое лицо с запавшими глазами и тонкие, беспомощные руки поверх ткани.

Малышка тихонько, на цыпочках, подошла к кровати, забралась на неё и устроилась рядом, стараясь не потревожить. Женщина не шевелилась, лишь едва заметно поднималась и опускалась её грудь. Осторожно, как святыню, девочка взяла холодную, лёгкую руку матери и положила её себе на плечо, прижав своей щекой. Так ей казалось, что мама её обнимает.

— Мама, — прошептала она, и слёзы снова потекли по её щекам. — Проснись, пожалуйста. Без тебя меня снова побили. Очень сильно.

Мать не ответила

Я проснулась от собственного крика, вцепившись в простыни.

Сердце колотилось так бешено, что казалось, выпрыгнет из груди. Постель подо мной дрожала. Это был сон. Яркий, жёсткий, до жути знакомый. Я протянула руку к ночному столику, но предательская дрожь в пальцах не позволяла ухватиться за ручку кувшина.

— Ария! — сорвался с губ хриплый зов. — Подойди, пожалуйста!

Ария ворвалась в комнату, явно разбуженная моим криком. Она выглядела сонной и перепуганной: платье было надето задом наперёд, воротник расстёгнут.

— Госпожа, вы в порядке? Что случилось?

— Кошмар, — выдавила я, с трудом переводя дух. — Руки трясутся. Воды.

Ария быстро наполнила хрустальный бокал и протянула мне. Я обхватила его обеими руками, стараясь не расплескать. Пальцы всё ещё отказывались слушаться.

— У вас, кажется... — тихо сказала Ария, наблюдая, как я с трудом делаю глоток. — Приступ! У вас раньше такое было?

Да, было. Именно это и происходило. Воздух не шёл в лёгкие, горло сжималось. В последний раз такое приключилось со мной в день, когда умерла сестра. Тело помнило ужас, от которого не было спасения. Но тогда рядом был Шайл, который держал мою руку несмотря на то, что самому было хуже.

— Да... пройдёт. Нужно просто перевести дух.

Но сердце сжималось в ледяные тиски, а живот скручивало в тугой, болезненный узел. Дикое желание подскочить и броситься вниз с балкона, лишь бы прекратить это невыносимое давление, пронзило меня. Я вжалась в подушки.

— Здешние господа... иногда курят опиум при головных болях, — осторожно предложила Ария, понизив голос. — Говорят, помогает и в таких состояниях. Принести вам?

Я слышала об этом. Видела стеклянный взгляд тех, кто к такому прибегал. Это была ловушка, а не спасение.

— Нет. Лучше помоги мне встать

Опираясь на хрупкие плечи Арии, я доковыляла до купели и окунула лицо в ледяную воду. Шок от холода пронзил сознание. Приступ отступил, оставив после себя пустую, звенящую усталость.

Я вышла из замка. Не знала, куда иду. Ноги принесли меня к тренировочному корту, яме, высеченной в скале у реки.

То, что я увидела, не имело ничего общего с тренировкой. На залитом кровью каменном полу двое мужчин избивали друг друга кулаками, ногами, головами. А вокруг них, сбившись в плотное кольцо, бушевала толпа. Они не учились, они славили жестокость. Хлопали, свистели, ревели, подстёгивая бойцов. Я прикрыла рот рукой, чувствуя, как подкатывает тошнота. Это был не ринг, а яма для зверей.

Драка закончилась, когда более крупный боец свалил противника ударом в висок. Проигравшего, окровавленного и неподвижного, волоком вытащили за пределы круга. Я уже собиралась уйти, когда на окровавленный пяточок вышел он.

Ксавьер Уэльс. Его противник был вдвое шире в плечах. Настоящий горилла. Их бой длился меньше минуты. Быстрый выпад капитана, уклон, контратака, а затем страшный, глухой удар, пришедшийся ему в челюсть. Ксавьер рухнул. Победитель, недовольный скоростью, ещё раз двинулся вперёд и с размаху ударил капитана сапогом по лицу.

И толпа взревела. Никто не шагнул вперёд, чтобы помочь. Капитан лежал неподвижно.

Я смотрела на Ксавьера, лежащего в крови, и вдруг увидела нечто иное.

Каменный солдат.

Способен ли он на такое? — мелькнуло в голове. Он один из них? Или он как я?

Я не знала. Но Уэльс был нужен мне живым.

— Гвардейцы! Сюда! — мой крик, неожиданно громкий и повелительный, прорезал гамму. — Гвардейцы!

Эффект был мгновенным. Толпа вздрогнула. В панике они бросились врассыпную, сметая всё на пути, даже не разглядев, кто кричал. Разумеется, никакие гвардейцы не пришли. Шум реки поглотил мой зов. Но я напугала эту свору знатно.

Я подскочила к Ксавьеру. Он лежал без движения, лишь грудь слабо вздымалась. Правая сторона его лица была превращена в кровавое месиво: сломанный нос, быстро синеющая челюсть, заплывший глаз.

— Капитан, откройте глаза, — прошептала я.

— Воды, — прохрипел он, едва шевеля губами.

Я рванула к каменному столу, налила в жестяную кружку, опустилась на колени, одной рукой приподняла его тяжёлую голову и поднесла кружку к его губам. Он с трудом сделал несколько глотков. Я смочила тряпки и осторожно стала смывать кровь с его лица. Под слоем грязи проступили прежние черты Ксавьера Уэльса. Он смог открыть один глаз. Другой был закрыт опухолью.

Видимо, до этого момента он не осознавал, кто ему помогает. Увидев меня, его единственный зрячий глаз расширился от чистого, немого шока.

— Что вы тут делаете? — выдавил он, и каждый звук давался ему мукой.

— Мне сказали, что тут проходят тренировки новобранцев, — ответила я. — Но это место оказалось чем-то иным. Вас здесь чуть не убили на глазах у всех!

Я помогла ему подняться. Он закачался, я подхватила его под локоть. Его вес был тяжёлым. Белая рубашка была пропитана липкой, тёмной кровью, даже золотистые волосы спутались и потемнели от неё. При тусклом свете пятна казались сине-чёрными.

Я помогла ему не из жалости. Он мне нужен. Если он будет мне обязан, он перестанет задавать вопросы. Или хотя бы задаст их тише.

Он, видимо, всё ещё пребывал в шоке. За всю дорогу до замка он не произнёс ни слова, лишь тяжело дышал, опираясь на моё плечо, и время от времени бросал на меня исподлобья тяжёлый, невыносимый взгляд — смесь стыда, ярости и чего-то ещё, что я не могла расшифровать.

У самых ворот он резко отстранился, едва не потеряв равновесия.

— Я дойду сам, — прохрипел он.

Сделал шаг. Пошатнулся. Я успела подхватить его за локоть, прежде чем он рухнул.

— Не надо, — прохрипел он, пытаясь высвободиться.

— Надо, — сказала я. — Иначе вы упадёте лицом в грязь, и все увидят, как капитан королевской гвардии не может стоять на ногах.

Он не сказал ни слова. Позволил вести.

— Завтра поговорим, — сказал он. — Прошу... молчите. Хотя бы до завтра.

Он не стал ждать ответа, развернулся и заковылял вдоль стены, в противоположную, тёмную сторону замка. Я смотрела ему вслед, пока его силуэт не растворился в ночи.

Глава 13

Утро следующего не задалось с самой первой секунды. В комнату, распахнув дверь, ввалилась Ария с пронзительным вскриком. Я подскочила на кровати, ожидая худшего, но увидела лишь... пса. Крупного королевского борзого, который сидел посреди комнаты как ни в чём не бывало и смотрел на нас умными карими глазами. У его лап лежал потрёпанный конверт.

— Чего кричать-то? — удивилась я, спуская ноги с кровати. — Это же просто пёс.

— Я от неожиданности! Он выскочил из-за двери!

Я опустила на корточки, подобрала конверт и почесала пса за ухом. Он блаженно зажмурился, потом развернулся и гордой походкой покинул комнату. Я развернула конверт. Бумага была грубой, почерк угловатым, нервным:

«Прошу вас, как только проснётесь, встретиться со мной у псарни. Письмо сожгите. К.»

Ксавьер. Мысль о том, что он уже достаточно оклемался, чтобы назначать тайные встречи, разожгла моё любопытство.

Я быстро оделась и, сделав вид, что просто прогуливаюсь, выведала у гвардейцев дорогу к псарне. Путь лежал через сад, мимо каменного корпуса кадетов, вниз по мощёной дорожке к конюшням. Длинное низкое здание псарни притулилось прямо за ними. Ещё издали я заметила высокую, напряжённую фигуру, расхаживающую взад-вперёд.

Сегодня капитан выглядел лучше: лицо было помыто, но ссадины и синяки, пышущие лиловыми и жёлтыми цветами, выдавали недавнее побоище. Заметив меня, он не подошёл, а лишь кивнул в сторону густого леса, что начинался сразу за забором, и зашагал туда, не оглядываясь.

Через пару минут мы скрылись в сырой, прохладной чаще. Ксавьер остановился у подножия толстого дуба, прислонился к нему спиной. Его лицо было бледным, даже синяки не так выделялись.

— Я должен объясниться, — в голосе слышалась стальная струна напряжения. — То, что вы вчера видели, может уничтожить меня. Вы и сами это прекрасно понимаете

Вдруг я и вправду что-то поняла. Капитан Ксавьер Уэльс до смерти боится. Не за репутацию — за жизнь. Его страх выдавали мелочи: сцепленные пальцы с побелевшими костяшками, неестественно расправленные плечи, взгляд, который смотрел куда угодно, только не на меня.

Я выжидающе молчала, давая ему собраться с мыслями.

— Я не собиралась об этом болтать, — ответила я. — Но мне интересно... зачем вы в это ввязались?

Ксавьер выдохнул; не столько гнев, сколько усталое раздражение.

— Спасибо, — процедил он. — Я проиграл спор и должен был сдержать слово. Мужчина, который это сделал, — он ткнул пальцем в сторону своего заплывшего глаза, — зверь. Неделию назад мы поспорили с одним человеком, кому достанется командование первой вылазкой в горы. Король отказал мне, счёл, что я нужнее здесь. Вот я и проиграл, должен был принять вызов. Не знаю, зачем вообще полез на рожон. Он взял на слабо, а моё эго не позволило спустить всё на тормозах.

Я захлопала глазами от искреннего удивления. Это было так по-мальчишески глупо. Так не вязалось с образом ледяного стратега.

— А зачем вы вообще спорили, капитан Уэльс? — спросила я с любопытством.

— Не могу сказать, — отрезал он. — А вы зачем искали место для тренировок с кадетами?

— Я хочу, чтобы вы тренировали меня.

Наступила тишина. Ксавьер смотрел на меня так, будто я только что призналась, что умею летать.

— Леди не занимаются такими вещами, — произнёс он наконец с раздражением. — А вы, первая леди Атрака, должны об этом знать лучше других.

— Мой отец тренировал меня с детства, — перебила я ровным тоном. — Я неплохо владею ножом, стрельбой из лука и даже занималась рукопашным боем. Вы же сами знаете мою историю — я желала отомстить за брата. И если вы согласитесь, капитан, ваша тайна уйдёт со мной в могилу.

Последние слова я произнесла чуть тише, но с такой железной интонацией, что они прозвучали не как просьба, а как условие сделки.

Ксавьер стиснул зубы так сильно, что мышцы на скулах заиграли буграми.

— Если бы принц не испытывал к вам... симпатии, — выплюнул он это слово, будто оно было отравленным, — я бы уже нашёл, как от вас избавиться. Хорошо. Я возьмусь. Каждый день на рассвете встречаемся здесь. И каждый вечер на ринге у реки. Но если хоть одна душа прознает, чем мы занимаемся... нам обоим не сносить головы. И знайте, леди Дженна, — он сделал шаг вперёд, — я вас презираю за такие методы. Глубоко и искренне.

Он резко развернулся, плащ взметнулся, хлестнув меня по лицу, и зашагал прочь

— Капитан! — окликнула я.

Он замер, но не обернулся.

— Ещё кое-что, — прошептала я, подходя ближе. — Я хочу знать всё, что принц любит, чем живёт. Расскажите мне о нём. Как можно больше.

Он вдруг издал хриплый, короткий, почти истерический смех.

— Вы совсем рехнулись!

Я не дрогнула. Смерила его ледяным взглядом. Смех оборвался.

— Начните с конных прогулок, — пробурчал он. — Наш принц обожает ездить верхом. И ушёл, быстро растворившись между деревьями.

Я стояла на месте, пока звук его шагов не затих, и лишь тогда позволила себе выдохнуть. Он презирает меня. Я это заслужила. Если уж начала врать, то врать придётся до конца.

Я пожалела, что заставила капитана тренировать меня именно таким образом... уже очень скоро.

Он обещание сдержал, но переиграл ситуацию по-своему, с жестокой изобретательностью. Его методы были откровенным издевательством. По утрам он гнал меня бежать по шесть миль вокруг леса до той тошнотворной, чёрной точки, где тело отказывается слушать, а в ушах начинает звенеть. Вечера же превращались в унижительное представление. Мои давнишние тренировки рассыпались перед его холодной эффективностью. Он парировал мои атаки одной левой, словно отмахиваясь от мухи, а затем наносил точные, выматывающие удары.

Сегодня я продержалась на три удара дольше, чем вчера. Он этого не заметил. Но я заметила. Может, к концу зимы я смогу хотя бы заставить его вытереть пот со лба.

Капитан был в десятки раз лучше с мечом, ему даже не требовался стальной клинок, он бился деревянным, тренировочным. И стоило мне на миг потерять концентрацию, как я оказывалась прижатой к липкому от грязи полу, а он нависал сверху, и в его глазах читалась презрительная ухмылка победителя.

Возвращаясь после таких тренировок к замку в одиночестве, я чувствовала себя не просто разбитой. Я была сломанным инструментом, полным ярости и горечи. Моя маска стала тяжёлым, телесным панцирем.

На подходе к воротам чья-то рука легла мне на плечо. Инстинкт, отточенный неделями постоянных атак, сработал быстро. Подумав, что это Ксавьер решил догнать меня, я, не оборачиваясь, резко ударила кулаком по пальцам. Раздался болезненный вскрик, но голос был не тем низким и хриплым, что я уже выучила.

Я обернулась. Передо мной стоял Честер, растерянно потирая покрасневшие пальцы.

— Ваше высочество! — вырвалось у меня.

— Вы что, решили прикончить меня? — он рассмеялся.

Принц смотрел на меня, на мою взмокшую одежду, на руки, покрасневшие от ударов, и в его обычно тёплых глазах мелькнула тень подозрения.

— Откуда в такой хрупкой девушке столько силы?

Я заставила губы растянуться в улыбку.

— Вас не было в замке несколько дней, — сказала я, переключаясь на привычную роль. — Я решила привить себе любовь к пробежкам вдоль реки. А где были вы?

— Отец отправил меня возглавить небольшую вылазку, — ответил он, и его лицо просияло. — Я скучал по вам. Не видеть вас было невыносимо.

Он взял мою ладонь, мягко поцеловал костяшки. Честер кивнул, всё ещё держа мою руку, и мы зашагали к замку.

— Кстати, — сказал он как бы между прочим, — отец желает с вами познакомиться. Я ещё не говорил ему о наших чувствах, но ему ужасно интересно взглянуть на прекрасную леди Дженну. Говорит, видел вас ещё совсем ребёнком, когда посещал Атрак. Он уже давно ждёт, когда я остепенюсь, так что не вините старика за любопытство.

Земля ушла из-под ног. Не в переносном, а в самом прямом смысле. Колени подкосились, не выдержав веса собственного тела и этой новой, чудовищной угрозы.

Король видел настоящую Дженну. Он видел её ребёнком. Он спросит что-нибудь, чего я не знаю. Цвет волос. Особенности лица. Любую деталь. И если я ошибусь, мне конец.

— Дженна! — он испуганно воскликнул и подхватил меня на руки. — Что с вами? Устали от пробежки? Боже, я совсем забыл, какая вы хрупкая!

Он нёс меня на руках, а я думала: если бы он знал, что я украла имя его невесты и планирую использовать его, чтобы убить, он бы не нёс. Он бы бежал.

Он нёс меня к воротам, а я, прижавшись к его груди, слышала, как бешено стучит моё сердце от леденящего ужаса.

— Что с вами? — Честер тревожно вглядывался в моё лицо.

— Голова закружилась, — выдавила я, цепляясь за эту слабую отговорку. — Хочу попросить вас об одном одолжении.

— Что же?

— Я... давно не каталась верхом, мой принц. — Я заставила голос звучать томно. — Могу ли я попросить вас дать мне такую возможность? Прогулка на свежем воздухе, думается, мне поможет. Я так много времени провожу в душных покоях...

Ксавьер дал отличный совет. Честер Кингсли преобразился. Как кот, которому предложили сливки, он расплылся в широкой, искренней улыбке.

— Конечно! Завтра же! Я подберу вам самого смирного жеребца в конюшнях.

Глава 14

С каждым днём ложь давалась мне всё труднее, оставляла во рту вкус отвращения к самой себе. Ещё в детстве все вокруг распознали, что врать я не способна от слова совсем. Когда Шайл просил прикрыть его перед отцом, мои попытки заканчивались провалом: краснеющие щёки, нос и бегающий взгляд выдавали меня с потрохами. С тех пор навык не укрепился. Но сейчас к необходимости лгать прибавились более сильные двигатели: жажда мести, отвращение к этому миру позолоты и сплетен и первобытный, животный инстинкт выжить.

Глядя на светящееся лицо этого рыжеволосого парня, на его доверчивые глаза и непринуждённую улыбку, меня охватывало такое чувство собственной низости, что хотелось броситься в ближайшую реку и смыть с себя всю эту грязь обмана. Но миссия... память Шайла, Каэля, Дина и Билла была важнее.

К счастью для меня, Честер больше не возвращался к теме отца. Возможно, моя слабость убедила его, что сейчас не время для серьёзных разговоров.

На рассвете я выжала из себя почти пять кругов вокруг леса, пока лёгкие не горели огнём, а в мышцах ног не появилась мелкая, неумолимая дрожь. Затем я вернулась в покои и рухнула на кровать как мёртвый груз, провалилась в тяжёлый, без сновидений сон.

Через пару часов в комнату впорхнула Ария, и я проснулась от чудесного сладкого аромата. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь занавески, наполняли покои жидким золотом. Ария поставила на прикроватный столик высокую хрустальную вазу, куда уже поместила охапку белых, идеально свежих роз.

— Доброе утро, госпожа! Я нашла эту красоту у двери! И записку! — прошептала она, протягивая мне крошечный, сложенный квадратиком листок.

Я развернула его. Бумага была плотной, с лёгким тиснением, а почерк изящным курсивом:

«Доброе утро, самая прекрасная леди в замке. Жду вас на прогулку верхом после завтрака. Ваш принц.»

Так меня ещё никто не называл.

Позавтракав, я приступила к сборам. Кататься верхом в платье было бы самоубийством. Ария подала мне практичные кожаные бриджи, сапоги до колена и короткую жилетку нежного персикового цвета, тонко намекая на придворную моду. Она заплела мои волосы в тугую, высокую косу, которая не разлетится на ветру.

Я шагала к конюшне уверенной, почти военной походкой, которую неосознанно переняла за неделю тренировок с капитаном. Пройдя через сад, я вышла на мощёный двор перед длинным зданием конюшни. Честер уже ждал, держа под уздцы двух великолепных жеребцов. Один — угольно-чёрный, с блестящей, как шёлк, гривой, другой — белоснежный, на котором он восседал в день нашего приезда. А сам принц в простой, но безупречно сидящей охотничьей куртке смотрел на меня с таким оживлением и гордостью. И я, подходя к нему, снова натянула на лицо улыбку, за которой пряталась тревога и холодный страх.

— Доброе утро! — воодушевлённо воскликнул принц.

Я напрягла связки:

— Доброе утро, ваше высочество!

— Мой подарок, — с гордостью сказал Честер, указывая на тёмного жеребца. Вблизи он оказался ещё прекраснее: не просто чёрный, а покрытый тончайшей россыпью серых яблок, как будто его слегка припорошили пеплом.

Честер протянул мне поводья. Дорогая, породистая лошадь. Не подарок, а ярмо новой ответственности и символ его притязаний.

— Я не могу принять такой щедрый дар, — сказала я.

Честер осунулся на глазах. Казалось, его широкий лоб покрылся испариной, а веснушчатый нос сморщился от огорчения.

— Я прошу, — настаивал он, в голосе звучала почти детская обида. — Для меня это важно.

Я сдалась. Не из-за его уговоров, а потому что поняла: отказ вызовет больше подозрений.

— Спасибо. Он невероятен, — сказала я, осторожно касаясь бархатистой морды коня. — Значит, вы, как и я, любите лошадей?

— Обожаю. Здесь гораздо спокойнее, чем в замке, — вздохнул Честер, потирая шею своего красавца. — Политика душит, а они никогда... — Он оглядел меня и одобительно хмыкнул. — Я прихожу сюда после каждого заседания Совета. Отец только недавно начал допускать меня, но они мне уже поперёк горла.

— Сегодня вы тоже были на совете? И долго он длился? — спросила я, делая вид, что больше занята седлом.

— Слишком! — почти крикнул он, выпуская пар. — Говорили о безопасности. Отец убеждён, что на южных рубежах вот-вот вспыхнет восстание, и придётся перебрасывать войска. — Он помолчал, а затем добавил с горькой иронией: — Удивительно, что Каменные ещё не перешли наши границы! Отец словно ждёт этого, ослабляя оборону. Им осталось лишь море пересечь! Хорошо, что мы успели спасти вас и вернуться домой почти без потерь.

Это была ценная информация. Значит, вернуться в Кангахар я уже не смогу.

Я коснулась гривы своего коня, будто едва вслушиваясь, будто политика меня интересовала куда меньше, чем шелковистая шерсть под пальцами.

Честер помог мне взобраться в седло, и мы двинулись в сторону леса. Тропинка, по которой мы пошли, была такой узкой и скрытой, что я не замечала её на тренировках с Ксавьером. Я крепко держала поводья, правой рукой поглаживая жеребца по мягкой, тёплой шее. Конь одобительно фыркнул.

— Я думаю, скоро этому уроду придёт конец, — продолжил принц, явно нуждаясь в том, чтобы его выслушали. — Ещё немного и у моего брата хватит сил отбить порт в Нан-Дели. А оттуда он начнёт освобождать другие земли.

— А вы давно общались с братом? — поинтересовалась я.

Честер насторожился.

— А зачем вы спрашиваете?

Мы ещё не были настолько близки для таких вопросов. Я мягко отступила, заставив голос звучать ласкающе и беспечно.

— Просто слушаю вас. Мне казалось, что Мирзаат не вступает в войну с Стоунгардом. По крайней мере, так говорили мои люди.

— Они были правы, леди Дженна. Раньше не вступали. Но, видимо, нам придётся.

Мы углублялись в лес. Чаща из многовековых дубов сменилась светлой рощей с тонкими, трепещущими на ветру осинами и липами. Стук копыт по мягкой земле стал глуше, уступив место хору птиц и отдалённому шуму воды. Спустившись по пологому склону, я замерла от восторга. Деревья расступились, открывая вид на горное озеро. Это была буквально чаша из чистой бирюзовой воды, подпитываемая невысоким, серебристым водопадом.

— Я обычно прихожу сюда один, — тихо сказал Честер, слезая с коня. — Но сегодня утром я понял, что вы должны увидеть это место.

Я последовала его примеру. Принц вытащил из сумки под седлом мягкий плед и разостлал его на траве у самой воды. Потом, не задумываясь, сбросил куртку и рубаху, оставаясь лишь в свободных льняных штанах.

— Отлично взбодрит для плодотворного дня! — заявил он и, лёгким движением поманив меня, вошёл в озеро.

Я развела руками с деланным сожалением. Может, я бы и составила ему компанию, будь я в другом настроении и в другой одежде. Под моим практичным костюмом не было ничего, кроме короткого нижнего белья. Поэтому я просто уселась на плед и помахала ему рукой.

Принц нырнул с головой, а вынырнув, отряхнулся, рассыпав вокруг миллионы сверкающих капель. Под лучами солнца, пробивающимися сквозь листву, он показался мне даже симпатичным. С таким-то телом, отточенным верховой ездой и изнурительными тренировками, иначе быть не могло.

Я заставила себя улыбнуться, хотя внутри всё сжалось. Он был красив. Но красота это оружие. У него. И у меня. Я не имела права забывать, зачем я здесь.

Я смотрела на него и думала: если бы я была другой, могла бы полюбить? Но я не другая.

Если бы я в него влюбилась, могла бы оставить прошлое? Нет. Скорее всего, нет. В этом парне было что-то обезоруживающее, но не настолько, чтобы я забыла, кто он и кто я.

Честер вышел из воды и, с шаловливым смехом, обрызгал меня с головы до ног. Холодные капли заставили вздрогнуть. На мгновение я опешила, а затем, с возмущением, подскочила к воде и зачерпнула немного, чтобы ответить. Но уже мокрого принца это не испугало. Он стремительно сократил между нами расстояние и обхватил меня за талию, намереваясь поцеловать. Прикосновение было бесцеремонным, резким. Так меня касался только Каэль в порыве страсти. Но то было настоящее, а это игра. Инстинкт заставил меня резко отстраниться. В его глазах, ещё секунду назад сиявших весельем, промелькнуло быстрое, как вспышка, разочарование. Прежде чем он успел что-то сказать, я одарила его широкой, самой солнечной улыбкой, на какую была способна.

— Вы промочили мне всю одежду, ваше высочество! — сказала я с шуточным упрёком, отступая на шаг и отряхиваясь.

И он снова расплылся, его обида растворилась под моим напором игривости.

— Я влюбился, почти ничего не зная о вас, — признался Честер. — Расскажите мне о себе. В письмах вы почти никогда не писали о своих увлечениях.

Что сказать? У девушки, чья жизнь состояла только из работы и выпивки, не могло быть увлечений. Но рассказать нужно было не Ирме, а Дженне. Я выбрала кусочек правды, который могла ему отдать без риска.

— Я люблю книги, — ответила я. — Мама с детства открыла мне мир библиотеки. Мы часами сидели вместе. Но с началом войны, кажется, я забыла, каково это — теряться в искусстве слов.

Честер тяжело вздохнул. Этот вздох был полон такой бессильной горечи, что мне стало не по себе. Он прикрыл глаза ладонью, как бы пытаясь спрятать наворачивающуюся влагу.

— Мы никогда не были союзниками Атрака, — признался он тихо. — Отец не считал ваши земли стратегически важными. Но если мы поженимся, я смогу убедить его. Мы отправим войска к вашим границам. Освободим ваш народ.

Я опустила глаза, не в силах выдержать его взгляд. В груди ёкнуло от чудовищной иронии судьбы. Он предлагал спасти народ, который уже наверняка был уничтожен, и отомстить за людей, которых я придумала.

— И подумать только, — продолжал принц, его голос зазвучал жёстче, — всего один человек решает судьбы миллионов. Этот Каменный Король — исчадие ада. Я видел, как сражаются его воины. Даже когда мы сожгли их галеон, они стояли до конца, пока не рухнули в море. Безумцы! Психи! — Он замолчал, а потом добавил с грустью: — Пока всё, что я могу для вас сделать, — это открыть нашу библиотеку. Берите любые книги. Надеюсь, это хоть как-то утешит. Хотя вряд ли что-то может утешить страх за родных. Мой брат сейчас там, на фронте. Мы не самые близкие люди, но я всё равно за него тревожусь.

Глава 15

Мы болтали ещё долго, пока возвращались к замку. О чём-то поверхностном, о чём-то глубококом. Он говорил, а я слушала, вплетая в разговор обрывки чужой биографии. Так, незаметно для нас обоих, мы оказались у главного входа замка, где уже зажгли первые факелы.

— Завтра состоится еженедельный турнир, — неожиданно сообщил Честер, и в его глазах вспыхнул азарт. — Я буду участвовать. И имею смелость пригласить вас посмотреть.

Я сделала удивлённые глаза, надев маску наивного любопытства.

— Какого рода турнир? — спросила я, играя в дурочку.

— Я буду сражаться с сэром Лореном. Бой будет до первой крови. Отец пока не знает, что я участвую. — Он понизил голос до шёпота, оглядываясь. — Только никому не рассказывайте, иначе он мне запретит. Ещё и пошлёт в гарнизон, подальше от вас...

Я незаметно сжала руки в кулаки. Если что-то случится с принцем, вся моя и без того хрупкая конструкция рухнет. Он и сам нервничал, плечо подрагивало мелкой дрожью.

— Я не имею права просить вас отказаться от участия, — сказала я наконец, заставляя голос звучать мягко и заботливо. — Поэтому я буду болеть за вас. Только обещайте... берегите себя.

Я смотрела, как его лицо озаряется благодарной улыбкой, и чувствовала, как на душе становится ещё тяжелее. Каждый его искренний жест, каждое проявление доверия становились ещё одним кирпичиком в стене моей собственной тюрьмы.

Остаток дня я провела в огромной, тихой библиотеке, доступ к которой Честер открыл только для меня. Как оказалось, этот храм знаний пустовал уже много лет. Придворные предпочитали интриги страницам книг. Ария шёпотом рассказала, что библиотеку запечатали в день смерти королевы, двадцать пять лет назад. Значит, я была права: мы с принцем ровесники.

Я бродила между бесконечными стеллажами из тёмного дерева. Пыль лежала пушистыми одеялами, и от неё слезились глаза, особенно когда я проводила пальцами по корешкам. Некоторые фолианты выглядели так хрупко, будто готовы были рассыпаться от одного прикосновения. Я выбрала одну книгу, чей переплёт ещё хранил следы былой роскоши, и вернулась в свои покои.

Ария, как выяснилось, читать не умела. Этот факт поверг меня в глухой, немой шок. Она взяла книгу в руки, но не смогла разобрать даже название.

— «Покинутый город», — прочитала я вслух.

Девочка устроилась на диванчике у камина и слушала, затаив дыхание. Её чёрные глаза блестели от неподдельного интереса. Книга рассказывала о женщине, влюблённой в мир и желавшей его изменить. В краях, где я выросла, такие книги сжигали на кострах. Женщинам там было отведено одно-единственное право — рожать детей.

— Как они могли с ней так поступить? — возмущалась Ария, когда история подошла к мрачному финалу.

— Хелен доверилась не тем людям. Её предали, продали за золото. Не вынеся заточения, она покончила с собой. Глупый роман, — сказала я, закрывая книгу. — Но в нём есть горькая правда. Никому нельзя доверять. Никому.

Я посмотрела на огонь в камине. Завтра он выйдет на ринг. Ради чего? Ради внимания. Ради того, чтобы я на него смотрела. Он рискует жизнью из-за девушки, которой не существует. А я буду сидеть в толпе и улыбаться. Какая же я тварь.

В день турнира Ария заплела мне сложную косу, вплетая в неё крошечную диадему из серебряных веточек. Турнир требовал от дам пышных нарядов. Эта девочка, зная мою ненависть к корсетам, уговорила швею переделать одно из платьев, подаренных Честером, цвета

морской волны, с пышным, но лёгким гипюром. Сама Ария не имела права даже одним глазком взглянуть на состязания и с грустью вернулась в замок, проводив меня.

Глашатай, сверившись со списком, указал мне место в первом ряду, прямо у барьера, отделявшего зрителей от песка арены, в нескольких шагах от пустого королевского ложа. Трибуны гудели, наполняясь людьми и звоном монет, зрители делали последние ставки.

Затем появился король.

Впервые я видела его не как портрет в холле, а живого. Статный, высокий, с осанкой, не оставлявшей сомнений в его власти. Длинные рыжие волосы с проседью были убраны под массивную корону. Он был облачён в парадный дублет серого цвета, расшитый золотом так густо, что казалось, на нём горят языки пламени. Его сопровождали двое важных советников. Они прошли мимо, и я замерла, перестала дышать, пока вся свита не устроилась в ложе. Только когда грянули фанфары, я судорожно выдохнула.

Глашатай провозгласил начало турнира и окончание приёма ставок.

Первыми на арену вышли двое. Один в сверкающих серебряных доспехах, с шелковистыми русыми волосами. Другой в потёртых, тусклых латах, лицо скрывал глухой шлем. Они сошлись под рёв толпы. Бой длился десять минут и закончился, когда «серебряный рыцарь» ловко проткнул кольчугу противника под мышкой. Тот рухнул, и апельсиновое пятно быстро расплзлось по песку. Его унесли на носилках.

Час спустя песчаная арена походила уже не на поле для игр, а на место бойни. Троих унесли с поля с ранами, несовместимыми с жизнью. Воздух был густым, приторным от запаха крови. Честер всё не появлялся. Ещё немного и меня бы стошнило.

Наконец глашатай в очередной раз возвестил начало поединка. В одном из выходящих на поле рыцарей было что-то знакомое. Он поднял забрало, чтобы осмотреться, и наши взгляды встретились.

Честер.

На миг в его глазах мелькнула озорная искорка, затем он опустил забрало с решительным щелчком. Его противник был настоящим великаном, на голову выше и вдвое шире в плечах. Принц выглядел рядом с ним мальчишкой. Противник, демонстративно сняв шлем, обнажил лицо, изрезанное старыми шрамами, словно карту жестоких битв. Даже его лысая голова была помечена несколькими белыми полосами. Это был тот же мужчина, который избил капитана Уэльса.

Сердце упало. Пусть любовь Честера ничего для меня не значила, я не могла не переживать. Я не хотела видеть, как его окровавленное тело уносят с этого проклятого поля. Но принц, несмотря на разницу в габаритах, оказался проворнее. Пока медлительный гигант заносил меч для одного тяжёлого удара, Честер успевал сделать два шага и нанести два точных, хлестких удара. Это был не грубый мордобой, а танец со смертью.

Видимо, король наконец узнал сына. Он резко поднялся с трона и рявкнул, приказывая остановить турнир. Глашатай замялся. Толпа загудела от негодования. И в этот миг лязг металла смолк. Честер стоял над поверженным соперником. Остриё его меча было направлено вниз, но не касалось противника. А в его руке, откуда ни возьмись, появился алый бутон розы, под стать кровавым пятнам, которые покрыли всё вокруг.

Принц сделал несколько шагов и остановился прямо напротив меня. Нас разделяла лишь невысокая деревянная перегородка. Он снял перчатку, взял мою ладонь и поднёс к губам. Его поцелуй был быстрым. Затем он протянул мне розу. Я взяла цветок, оглядываясь с опаской. Случайно коснувшись острого шипа пальцем, кожа прокололась, и капля крови упала к моим ногам.

Король всё ещё не вернулся на место. Его тяжёлый взгляд был прикован к сыну и ко мне. Казалось, замерла не только арена, но и весь замок, все придворные. Честер, не отводя

от меня глаз, сделал неглубокий, изящный поклон в сторону отца. А затем поднял левую руку, как дирижёр, призывающий оркестр.

И тишина взорвалась. Сначала робкими, а потом нарастающим валом аплодисментами, криками, свистом. Он выиграл не только бой. Он выиграл публику. И поставил меня в самый центр внимания, из которого уже не было выхода.

Я шла к своим покоям, сжимая розу так, что шипы впивались в ладонь. Король смотрел на меня. Теперь все будут смотреть. Честер сделал меня своей публичной невестой и я не могу отказаться. Не могу даже выглядеть так, будто хочу отказаться. Маска стала ещё тяжелее.

Глава 16

Снова тренировка. Снова недовольный капитан Уэльс.

— Это выглядело пошло, — сквозь зубы процедил Ксавьер, отбивая мой выпад с таким усилием, что у меня затрещали запястья.

Мы сражались уже полчаса без перерыва, и я отбивалась от его атак на чистом адреналине.

— Ты сражаешься, а не танцуешь на балу! Что это за вычурные па? — рявкнул он, заставляя меня отступить под градом быстрых, точных ударов.

Я собралась, сделала обманное движение и нанесла удар справа. Ксавьер парировал его одной рукой, даже не двинувшись с места. День изо дня я начинал ловить его ритм, предугадывать некоторые движения. Мне даже казалось, что я стала биться лучше. Но капитан не выдал ни единого слова одобрения. Только колкости и критические замечания. Я отразила его удар слева, затем справа, присела на правое колено и, вывернув запястье, попыталась проникнуть под его защиту сбоку.

И о чудо! Лезвие моего тренировочного меча со скрежетом прошло по нагрудной пластине его защиты. Не глубоко, но достаточно, чтобы обозначить попадание.

— Кажется, пора отдохнуть, — сухо констатировал мужчина, опуская деревянный клинок.

Я залилась торжествующей улыбкой, плюхнулась на каменный пол и принялась жадно пить из фляги. Ксавьера я не видела на турнире, но он уже успел высказаться. Принц, по его мнению, вёл себя недостойно.

— И что такого было в его жесте? — удивилась я.

— Будучи принцем, он обязан был испросить разрешения у короля, — отрезал Ксавьер. — Ему бы, конечно, отказали. Но вместо этого устроил этот цирк с розой и поцелуем руки. Полное неуважение к королю и к традициям.

Он передразнил тот самый поклон с гримасой отвращения и опустился на пол рядом. Я молча передала ему флягу. Он сделал несколько глотков, а я от усталости уже не сидела, а лежала на спине, чувствуя, как камень впитывает жар из моих мышц.

— А мне кажется, король не должен опекать взрослого сына, — пробормотала я в небо. — Он ведь не мальчишка.

— Я бы сказал тебе, почему это не так, — ответил Ксавьер, и в его голосе зазвучала знакомая ехидная нотка, — но я всё ещё помню, как ты пыталась мной помыкать.

Я резко поднялась на локтях. Брови непроизвольно изогнулись, губы сжались в тонкую, белую нить. После нашей первой договорённости мы отбросили светские предрассудки. И я чётко дала понять, что не потерплю снисходительного отношения, даже будучи леди.

— Я не помыкала, — выпалила я. — И не манипулировала. Я спасла тебя, если ты забыл.

— Я бы не умер от пары ударов по лицу, — прошипел он, но в его тоне уже не было прежней ярости. Осталось лишь усталое раздражение.

Я упивалась зрелищем его недовольной физиономии.

— Твоё лицо было похоже на мясной фарш. И вообще, я бы никому не рассказала о том, что видела. Среди всех этих кукол при дворе мне просто хотелось найти человека, перед которым не нужно строить из себя дуру.

Ксавьер развёл руками, жестом выражая полное недоумение.

— Я так до сих пор и не понял. Зачем эти тренировки?

Я громко прокашлялась, давая себе секунду на раздумье, и выпалила ту правду, которая пришла в голову:

— Я не глупа. Я знаю, что война рано или поздно докатится и до Новых Земель. Я хочу сражаться. Не прятаться, как все остальные. Я хочу добраться до Каменного Короля и уничтожить его.

Ксавьер присвистнул, оценивающе глядя на меня. А меня от собственных слов окатила волна такой чистой, белой злости, что дыхание перехватило. Перед глазами встали огонь, дым и пустота. По щеке, смешиваясь с потом, скатилась предательская слеза.

— А я и не знал, что девчонки бывают такими, — сказал он тихо, без привычной издевки. — Остальные предпочли бы рыдать в подушку. Что такого тебе сделал Каменный Король?

Я подскочила, словно ужаленная, схватила меч с пола и встала в боевую стойку, сжимая рукоять так, что пальцы побелели.

— Он разрушил мою жизнь, — отрезала я.

Дальнейшее занятие продлилось недолго. Со злости я размахивала мечом с такой яростью, что через десять минут мои руки дрожали и не могли удержать даже флягу. Ксавьер тоже выдохся. Такой режим был тяжел даже для него. Утром пробежка с Честером, затем изматывающие часы в лесу со мной, потом целый день с новобранцами, а вечером ещё одна сессия на ринге у реки. Даже без меня его дни были расписаны по минутам. А самое главное, ему, как и мне, приходилось тайно добираться до мест наших встреч.

Тогда я сообщила, что теперь по утрам ему не обязательно ходить со мной на пробежку. Уж как-нибудь справлюсь без него. Всё равно он только стоял и сонно бормотал: «Ещё кружок».

Мы молча разошлись на развилке дорог: я шла к замку, он двинулся к каменным стенам кадетского корпуса.

Ария намывала пол в коридоре, когда я вернулась. Я так отчаянно хотела смыть с себя липкий пот, усталость и гнев, что плюхнулась в купель с ледяной водой. Внутри всё ещё пылал пожар от нахлынувших воспоминаний. Кошмары, которые я пыталась загнать в дальний угол сознания, вырвались на свободу. Перед глазами снова стояли ужасы того дня: пожар, смрад гари, пустота в глазах Каэля, Дина и Шайла. Имена тех, кого я любила, отдавались эхом в тишине комнаты.

Но сегодня мне вспомнилось ещё кое-что.

Когда-то давно, ещё до переезда в Бхарат, у нас с Биллом состоялся серьёзный разговор. Мне тогда было около четырнадцати, и отец посчитал, что я достаточно взрослая для такого. Он напомнил мне о том, что я была родом с Севера и должна была хотя бы краем уха слышать разговоры о войне. И я слышала. Не просто краем уха, а подслушивала. Учителя в месте, где я училась до встречи с семьёй Шетти, обсуждали такие дела очень часто. По их словам, силы Стоунгарда должны были скоро выйти за пределы Кибелева моря и достичь Кангахара. Но всё дело в том, что король, в руках которого тогда ещё не было столько силы, не мог просто так начать захватывать континенты. Учитель по имени Хьюго сказал, что Каменный Король ищет какую-то древнюю силу, позволяющую его людям биться без усталости, на смерть, и не бояться ни боли, ни крови. Дело было в магии, которая давно считалась утерянной. Уже тогда в рядах этого короля появились те самые мужчины в алых плащах, чьи глаза полыхали голубыми огнями. Именно они были ищейками.

Стоило мне вспомнить, и у меня засосало под ложечкой.

Я уплетала ужин, который служанка принесла в мои покои. Ария сидела рядом в кресле, старательно оттирая песок с моих сапог. Я предложила ей присоединиться, но она вежливо отказала, что показалось мне странным, ведь мы часто вместе ели.

— Ария, — спросила я, отодвигая тарелку, — как ты? Всё в порядке?

Девушка надулась, её пальцы замерли на коже сапога.

— По правде сказать, миледи, не очень. Мама заболела.

У меня зашло сердце. В её голосе звучало то самое знакомое, леденящее отчаяние.

— Она сильно больна? — спросила я тихо.

Ария подняла на меня глаза, и в них стояли слёзы.

— Она скоро умрёт, — прошептала девушка, и голос её сорвался.

И тогда слёзы хлынули ручьём. Беззвучно, но от этого ещё страшнее. Я замерла, глядя на эту маленькую, сгорбленную фигурку. В её горе, в этом беспомощном «скоро умрёт» я увидела отражение всех своих потерь. Я отодвинула прикроватный столик и подошла к Арии, присела перед ней на корточки.

— Что я могу сделать?

Ария продолжала плакать. Сапог, который она так старательно начищала, с глухим стуком упал на пол. Она просто сидела, сжавшись в комок, и тихо всхлипывала.

— Ария, если нужны деньги на лекарства, только скажи.

— Её нужно отвезти в Узкую Долину, — прошептала служанка, не поднимая головы. — Там есть лекари. У нас в деревне никого нет.

Я поднялась, подошла к комоду и достала оттуда небольшой, но тяжёлый сундучок — подарок Честера после того злополучного турнира. Внутри поблескивало золото: серьги, кольца, несколько камней.

— Далёко до твоей деревни?

— Дня два пути, госпожа.

— Тогда иди на конюшню. Возьми моего коня. И продай это, — я протянула сундук. — Должно хватить и на лекаря, и твоей семье на несколько месяцев вперёд.

Ария снова расплакалась, но теперь, как я надеялась, слёзы были другого свойства. Она дрожащими руками приняла шкатулку, поднялась и низко, до земли, поклонилась. Я не выдержала и обняла её изо всех сил, чувствуя, как её худенькие плечи трясутся.

— Я хорошо знаю, каково это, — прошептала я. — Обещай, что напишешь из Узкой Долины.

Ария уехала в тот же час. Я очень радовалась, что могу помочь, но в то же время в замке для меня воцарилась гнетущая тишина. Я потеряла единственного человека, с которым могла быть просто собой. Остался только Ксавьер Уэльс, с которым мы, за неимением других вариантов, проводили всё больше времени. А Честер снова куда-то укатил по королевским делам.

Глава 17

В отъезде Арии был один плюс: я узнала много интересного о моём «новом друге». Ксавьер Уэльс был родом из бедной семьи с далёкого западного материка. Роскошь была для него чужда. Даже будучи капитаном королевской гвардии, он жил скромно, почти аскетично. Мало кто знал, почти всё своё жалованье он отправлял отцу и сёстрам в ту самую деревню. Об этом он не рассказывал даже Честеру, но, вымотанный до предела, проговорился мне.

После сегодняшней тренировки он был похож на выжатый лимон. Капитан сидел на скамье у конюшни и просто смотрел на звёзды. Я заметила его из окна минут десять назад — неподвижная фигура с тлеющей сигарой во рту.

— Выдался тяжёлый денёк? — спросила я, подходя.

Моё появление не вызвало у него энтузиазма.

— Каждый день сейчас тяжёлый, — лениво бросил он в ответ. — Скоро и вовсе забудем, что такое сон.

Я уселась рядом без приглашения. Посмотрев на его уставшее лицо, я потянулась к железной коробке на скамье, вынула одну из толстых сигар, покрутила её в пальцах и положила обратно.

— Эта дрянь убьёт тебя быстрее, чем любая война, — заявила я.

Ксавьер закатил глаза и демонстративно, с вызовом, сделал глубокую затяжку.

— Доверять людям вреднее, чем курить, леди Дженна. Поэтому я вам до сих пор не доверяю.

— А я и не прошу, капитан Уэльс. Я пришла, чтобы выудить у вас ещё информации о принце.

Он тяжело вздохнул.

— Серьёзно?

— Нет, — я неожиданно для себя улыбнулась. — Пока его нет, мы с тобой не обязаны о нём говорить.

Ксавьер на мгновение задумался, изучая меня в полумраке.

— Ты много времени провела в Кангахаре? — спросил он.

Я кивнула. И тогда заметила, что уголки его губ дрогнули в едва уловимой улыбке.

— Заметно. Я слышу этот акцент. Значит, ты много времени провела вне дворцов. И что же, не скучаешь по приёмам, по балам, миледи?

— Нет, капитан Уэльс, не скучаю, — ответила я честно. — Но где-то глубоко внутри я скучаю по выпивке из портовых таверн Бхарата. Странно такое слышать от дочери лорда?

Его улыбка вдруг стала шире, более настоящей. Даже в тусклом свете я увидела, как в его обычно холодных глазах вспыхнул живой, почти озорной огонёк.

— Ты не расскажешь принцу? — спросил он, понизив голос.

— О чём?

— Я хочу показать тебе одно место. Идём же.

Ксавьер чуть не свалился со скамьи, когда я подскочила быстрее него. Куда он вёл меня, я не знала, но он накиннул на мои плечи свой тёмный плащ с капюшоном «на всякий случай».

Королевский сад с его выверенными аллеями и благоухающими розами быстро растворился, уступив место лабиринту узких, тёмных улочек нижнего города, где я до этого не бывала. Дома здесь прижимались друг к другу. Стены были покрыты трещинами, копотью и вековой грязью. Я насчитала пятнадцать разбитых окон, забитых тряпьем. Между некоторыми домами были натянуты верёвки, где сушились пучки трав и простая, поношенная одежда. Воздух пах дымом, кислым супом и настоящей, грубой и честной жизнью. И в этом мире я внезапно почувствовала себя дома.

— Осторожно, — тихо предупредил Ксавьер, придерживая меня за локоть.

Под ногами лежала скользкая брусчатка. Воздух за поворотом был густым коктейлем запахов: древесный дым, резкие пряности, сырость старых балок и дешёвая жирная еда, которую готовили прямо на улице. Мимо нас, визжа и смеясь, пронеслась стайка босоногих детей и юркнула под прилавок, где пухлая, краснолицая женщина с ловкостью разделывала рыбу.

На следующей улице было уже тесно от людей. Ксавьер расчищал нам путь с такой естественной уверенностью, что людям достаточно было встретиться с его взглядом, чтобы посторониться.

— Мы пришли, — наконец сказал он, останавливаясь у невысокого, приземистого здания.

Над дверью болталась вывеска из потрескавшейся древесины с выжженными буквами: «Ржавый Ключ». Капитан распахнул тяжёлую дверь, и на меня обрушилась волна едкого, тёплого воздуха, насыщенного запахом дешёвого алкоголя, пота и дыма.

— Здесь все будут держать язык за зубами, — бросил он через плечо.

В тот миг я была благодарна судьбе. Отняв всё, она послала мне человека, который рисковал своей репутацией и положением, приводя меня в это место.

Внутри царил полумрак, нарушаемый лишь светом очага и нескольких сальных свечей. Дым тянулся к низким потолочным балкам ленивыми лентами. Было душно и шумно: гул голосов, смех, звон кружек. Среди потных мужчин в зале сновали несколько женщин в слишком откровенных нарядах с пустыми, усталыми улыбками.

Ксавьер провёл нас к столику в самом дальнем углу, откуда был виден весь зал. Он сел напротив, снял кожаные перчатки.

— Можешь снять капюшон, — сказал он. — Здесь все свои.

Я огляделась. Никто не обращал на нас внимания. Я отстегнула брошь, сбросила плащ. Через пару минут к нам подошла трактирщица; женщина с пышными формами.

— Чего будете?

— Доверишься мне? — предложил Ксавьер.

— Доверюсь твоему выбору.

— Как обычно, только на двоих, — кивнул он. — И орешков, Люси.

Та удалилась. Я разглядывала завсегдагаев: усталых рабочих, пару солдат без нашивок, од

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.